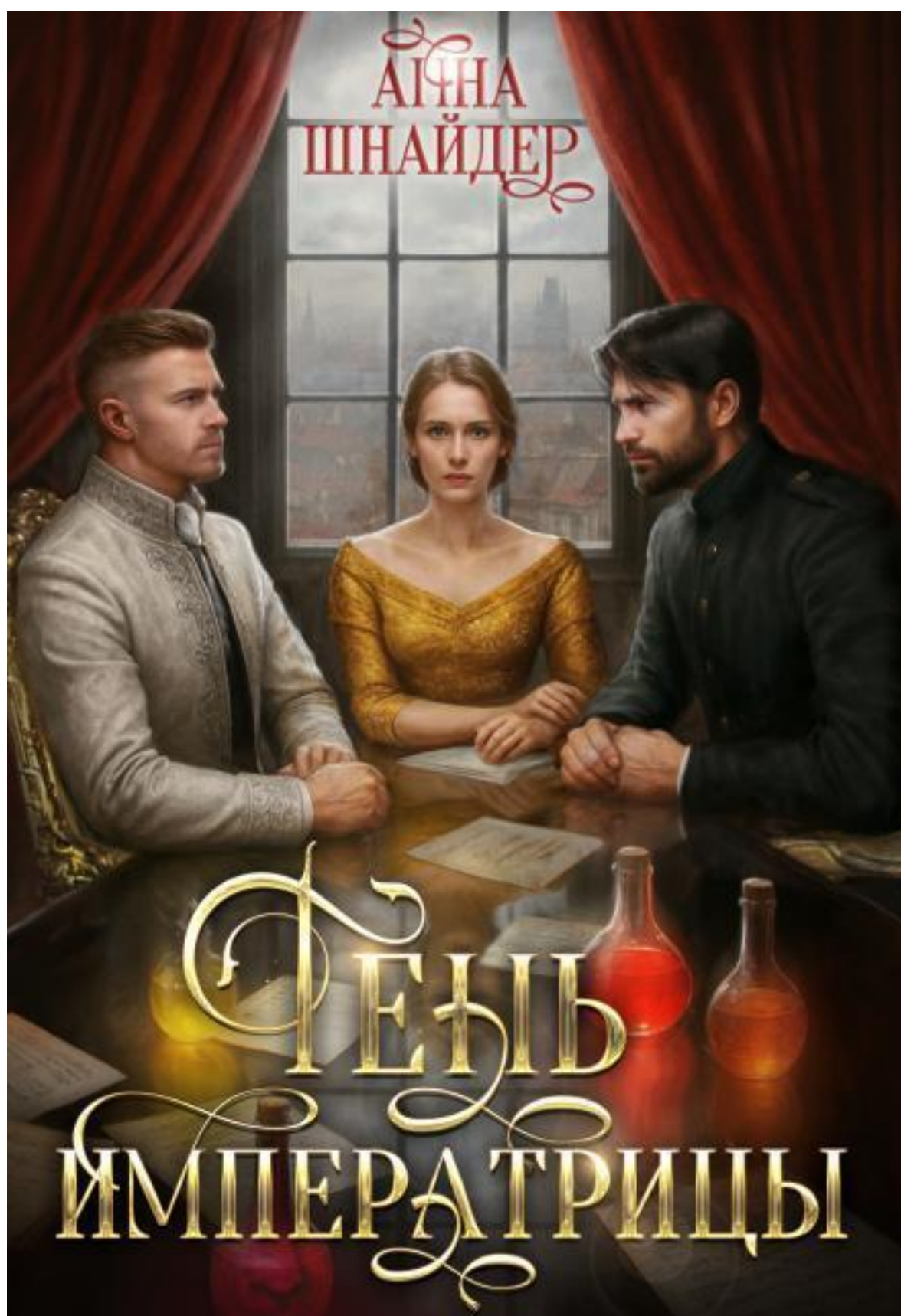

Анна
Шнайдер

Анна Шнайдер
Тень императрицы

«Литнет»

2025

Шнайдер А.

Тень императрицы / А. Шнайдер — «Литнет», 2025

Виктория для своего мужа, императора Арена, только друг и соратник, но любит он другую женщину. Сама она уже не мечтает о личном счастье - ей бы разобраться с другими проблемами. Например, с внезапно свалившимся на неё руководством комиссией по родовой магии, где её заместитель - настоящая заноза в одном месте. А тут ещё и охранник этот... Зачем Арен его к ней приставил? Точно только для защиты? А может... для чего-то иного? Двухтомник. Можно читать отдельно от других книг цикла, но тем, кто читал «Тьму императора», будет интереснее. ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ПЕРВОЕ: текст сложный, любителям быстрых историй просьба не беспокоиться)) ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ВТОРОЕ: если вас безумно бесят София и Арен, не мучайте себя. Виктория относится к ним совсем иначе, и это будет раздражать))

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	16
Глава третья	28
Глава четвёртая	40
Глава пятая	48
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Глава первая

Над столицей медленно поднималось солнце. Начинался новый день, но он, в отличие от предыдущих, стал по-настоящему зимним. Давно пора: декабрь стоял уже больше недели, но не было ни снега, ни даже солнца, лишь ветер, дождь и грязь. В противовес ноябрю: тогда столицу замело, но потом снег растаял — и с тех пор не выпадал. В такую погоду хотелось только спать, и больше ничего, но Виктория не могла позволить себе подобную роскошь.

Звучало, наверное, странно: многие думают, что, если ты облечён властью, можешь позволить себе многое, если не всё. Она когда-то тоже так думала. До того, как вышла замуж за императора Арена, разумеется. Потом пришло понимание, как мало у неё свободы... А у её мужа — ещё меньше.

Виктория улыбнулась, наблюдая за рассветным небом, что постепенно становилось нежно-розовым, с персиковым отливом к горизонту. Внизу блестела река, скованная льдом, — на неё тихо и неторопливо ложились снежинки, с каждой минутой всё сильнее укрывая белым одеялом. Пройдёт не больше часа, и лёд перестанет блестеть, словно слюда, да и земля будет не чёрной, как сейчас. Удивительно, как преобразуется город всего лишь из-за снегопада... Впрочем, снегопад-то сказочный: обычно, если начинается снег, небо серо-белое, но сегодня всё было не так. И солнце подмигивало, вставая из-за горизонта, и небо отличалось всеми оттенками кораллового, становясь белым лишь в вышине.

— О чём думаешь, Вик? — раздался сзади голос Арена, и Виктория слегка вздрогнула от неожиданности, глубоко вздыхая. — Прости, не хотел тебя пугать. Но ты так задумалась, что, кажется, не слышала моих шагов.

— Да, — ответила она негромко. — Но, по правде говоря, я ни о чём толком не думала. Лишь любовалась рассветом. Не люблю позднюю осень, слишком уныло.

— Действительно красиво, — произнёс Арен с некоторым даже удивлением, встав рядом с Викторией, плечом к плечу. — Я с утра работал в кабинете и не замечал, что там, за окном.

— Ты хотел сказать — работал с ночи, — иронично заметила Виктория. Её муж всегда был таким: много работал, мало спал. Когда-то этот факт виртуозно использовал брат Арена, чтобы внушить ей, будто она не нужна супругу, и достиг больших успехов.

— Нет, — засмеялся император. — Сегодня я выспался. У меня для тебя две новости, Вик.

— Хорошая и плохая?

— Для меня они скорее нейтральны, Впрочем, первая скорее хорошая. Примерно час назад главный врач Императорского госпиталя сообщил мне, что у Эн Арманиус начались роды.

Виктория почувствовала, как благодушное и расслабленное настроение сменяется напряжением — Впрочем, обычно так бывало всегда, когда к ней приходил Арен. Просто так он никогда не являлся: не те у них отношения. Лишь по делу. И приносил с собой самые разные вести.

Весть про Эн Арманиус действительно была скорее радостной. В начале этого года Арен принял противоречивый закон, разрешив заключать браки аристократам и нетитулованным магам. Долгое время считалось, что родовую магию — особенный дар, который был лишь у аристократов, — дети в таких браках иметь не будут, что казалось губительным многим, особенно тем, кто обладал титулом. Но Арен считал, что это не так, — и собирался доказать свою правоту.

Ребёнок Эн Арманиус должен стать первым малышом, родившемся в браке между аристократом и нетитулованной. И от того, будет ли у него родовая магия, зависело очень многое... Если не всё.

— Что ж, — заключила Виктория серьёзно, — нам остаётся лишь ждать. Всё равно родовая магия начинает чувствоваться у новорождённых через сутки после появления на свет.

— Ты права. Но я хотел, чтобы ты знала. И кстати, я забыл ещё об одной новости... — Арен хмыкнул. — Вот что значит: волнуюсь. Но об этом после. Итак, новость вторая: я отстранил от работы главу комиссии по родовой магии.

Виктория не удивилась. Она сама хотела предложить это Арену по одной простой причине: Воллис Амириус за почти полгода работы в комиссии не продвинулся в решении насущных вопросов ни на шаг. Конечно, исследования велись, но толку почти не было. А ведь этого аристократа так советовала Клара Галиос, директор Института артефакторики, на базе которого и работала комиссия! Называла одним из ведущих специалистов.

— И кто теперь будет главой комиссии?

— Ты.

Виктория закашлялась и, вытаращив глаза, впервые за разговор повернулась к Арену лицом.

— Ты шутишь, да?

Он едва уловимо улыбнулся, глядя на неё, невозмутимый, как и всегда. А Виктория на мгновение словно провалилась в глаза Арена, которые так пугали многих собеседников, но не её. После коронации обычные карие глаза у него стали чёрными, и радужка расширилась, почти не оставив место белкам. В остальном Арен ничем не отличался от других людей, хотя Виктории — даже с этими своими глазами — он всегда казался безумно красивым. Смуглая кожа, высокий лоб, тёмные короткие волосы, точёный нос, узкие губы, идеальное мужское тело — да, император мог бы быть популярным у женщин, если бы желал этого. Но у Арена, в отличие от его старшего брата, совсем не было склонности к заигрыванию с противоположным полом.

Виктория когда-то влюбилась в него по другим причинам. По каким? Что ж, причин было много, но в любом случае — Арен её чувств не разделял. Он любил другую, и Виктория с этим смирилась.

— Я чувствую, что ты в шоке, — сказал император с иронией. Арен был эмпатом и умел считывать чужие эмоции. Не работала эта способность только с кровными родственниками. — Но почему, Вик? Ты ведь в курсе работы комиссии, ты была там с самого начала.

— Я не учёный-артефактор, Арен! Тебе бы лучше позвать Рона Янга...

— Он не согласится, — поморщился император. — Руководство комиссией по родовой магии, которую в будущем я планирую сделать комитетом, требует слишком много времени — у Янга столько нет. Он готов консультировать и участвовать в совещаниях, но не больше.

— Ты опять говорил с ним, да?

— Не я. От моего имени. И он отказал.

Виктории стало смешно. В мире было очень мало людей, которым Арен позволял подобное поведение — большинство подчинённых император просто ставил перед фактом. Даже её! Но Янг, молодой и безмерно талантливый артефактор, был из числа тех, к чьим возражениям Арен прислушивался. Впрочем, Виктория его понимала. Рон периодически присутствовал на заседаниях совета комиссии — и каждый раз умудрялся встряхнуть тухлое болото, которое любил разводить Амириус. Однако для более стойкого эффекта встряхивания требовалось делать нечто подобное каждый день — и было логичнее поменять руководителя.

Но не на неё же, в самом деле!

— Видишь ли, Вик, — продолжал Арен, глядя ей в глаза, — я хочу, чтобы комиссией руководил кто-то, кому я абсолютно доверяю. Я уже ошибся один раз: поставил Амириуса, поверив рекомендациям Клары, но мы оба просчитались. Его аристократическое нутро слишком сопротивляется нововведениям. Пусть в заговорах он не участвовал, но и развивать направление передачи родовой магии детям, рождённым в смешанных браках, не особо стре-

мится. Поэтому и работал с минимальными усилиями, а мне нужен максимум. Абсолютно доверяю я очень немногим...

— Мягко говоря, — не выдержала и подколола мужа Виктория, вызвав у него слабую улыбку. Хотя упрёк был несправедливым, пожалуй, — у Виктории даже такого количества верных соратников не было. По сути, у неё никого не было, кроме Арена, Агаты и Александра — их совместных детей, — Силвана, лечащего врача-психотерапевта, и Софии.

Любовницы Арена.

— Я хотел бы, чтобы ты взяла руководство комиссией на себя, — продолжал император. — Конечно, если ты не захочешь, я постараюсь придумать что-нибудь другое. Однако...

— Я не стану так мучить тебя, Арен, у тебя и без этого полно проблем. Раз ты хочешь — хорошо, я согласна. Хотя я не уверена, что справлюсь.

— Спасибо, — произнёс он искренне, и его взгляд наполнился благодарностью, от которой в груди у Виктории стало теплее. — Ты меня очень выручила, Вик. Я думаю, что ты справишься. Тем более тебе будут помогать.

— Неужели ты уговорил Янга уделять комиссии больше времени?

— Увы, нет. Он абсолютно справедливо считает, что в основе дальнейших исследований должны стоять аристократы, иначе в обществе титулованных все нововведения будут восприняты негативно. Ещё и поэтому я хочу, чтобы комиссией занималась ты. Просто я нашёл тебе заместителя, он будет помогать в работе. Прошлый заместитель Амириуса меня, понятное дело, не устроил. А этот парень... руководитель одного из филиалов Института артефакторики в городе Корта. Там один из крупнейших филиалов, кстати.

— Парень? — зацепилась за определение Виктория. — То есть он молод?

— По правде говоря, он примерно моего возраста, — признался Арен. — Вероятно, такова специфика моей психики, но это тебе Силван скажет точнее, — почти всех людей своего возраста и даже чуть старше я воспринимаю как сварливого старичок неразумных подростков.

Виктория рассмеялась, и, услышав её смех, Арен тоже улыбнулся.

— Его зовут Вистан Болдиус, и характер у него не сахар, сразу тебе скажу. Но если ты выдержишь меня — выдержишь и его.

— Интересное сравнение. Надеюсь, он не считает себя императором?

— Ну-у-у, — шутливо протянул Арен, — всё возможно. По крайней мере, самовлюблённости и амбиций у него хоть отбавляй, увидишь. Представь себе того же Рона Янга, только аристократа, считающего себя гением, а остальных дураками, — и получишь портрет Болдиуса.

— Кошмар какой, — фыркнула Виктория, невольно вообразив нечто подобное. — Может, мне отказаться, пока не поздно?

— Уже поздно, Вик. И позволь мне дать тебе совет. — Арен осторожно взял её за руку и сжал пальцы. — Не забывай, кто ты, и если ты будешь недовольна чьим-нибудь поведением — напоминай им об этом.

— Я постараюсь, — ответила Виктория серьёзно, зная, что попытается не подвести мужа. Руку она не отнимала — ей нравились прикосновения Арена, и она много месяцев как научилась не реагировать на них в чувственном плане. Она — его друг и соратник, его императрица — и больше ничего. — Но ты говорил о третьей новости... Меня ждёт что-то ещё неприятное?

— Не знаю, насколько это неприятно. С одной стороны, да, но ты, мне кажется, за годы брака со мной должна была привыкнуть к подобному. Накануне я говорил с Дайдом...

Виктория сразу подобралась и непроизвольно выпрямила спину.

То, что Арен сразу упомянул главного дознавателя, — тревожный признак. Гектор Дайд ничего хорошего сказать точно не мог, не та у него работа.

— Так вот, как ты помнишь, некоторое время назад все участники заговора были соответствующим образом наказаны, в зависимости от степени участия. Кто-то отправился на плаху, кто-то лишился привилегий, кто-то отбывает срок на каторге. Дайд утверждает, что среди род-

ственников — невиновных, разумеется, — зреет недовольство. Мол, слишком многих я наказал, а некоторых уж больно сурово.

Виктория почувствовала, что закипает от гнева — и это наверняка ощущал Арен, поскольку потянул её за руку к себе, чтобы приобнять и успокаивающе погладить по спине.

— Понимаю твоё возмущение, Вик. Но не у всех людей есть совесть. К сожалению, порой у бессовестных присутствуют и мозги, как в случае с моим братом, и у них рождаются всякие гениальные планы мести. Гектор считает, что кто-нибудь может попытаться отомстить мне через моих близких. Особенно он подозревает родственников казнённых, которых более чем достаточно. За всеми следят, но никакая слежка не бывает абсолютной. Я считаю, что ты — самое уязвимое моё место.

— Я? — Виктория так изумилась, что даже вздрогнула. — Но София, дети...

— Дети большинство времени проводят во дворце; если выезжают, то ненадолго, чаще всего непредсказуемо и в моём присутствии. О роли Софии в моей жизни почти никто не знает.

— Да, точно, — засмеялась Виктория над своей глупостью. — Хотя чисто теоретически...

— Чисто теоретически — всё возможно, то же самое и Гектор сказал, — кивнул Арен. — Но в любом случае Софию не так просто убить.

Абсолютная правда — после определённых событий София получила способность не гореть в огне, как и император, кроме того, она оказалась внучкой главы службы безопасности Вано Вагариуса — и в ней проснулась родовая магия Вагариусов: кровный щит. Даже без учёта охраны София — не самая удобная мишень.

— Короче говоря, — заключил Арен, — я принял решение приставить к тебе постоянного личного охранника, который будет сопровождать тебя везде, вплоть до заседаний комиссии. Везде, Вик, ты поняла? Можешь расслабиться лишь во дворце, но и здесь будь начеку. Мы с тобой не должны забывать, как Агату несколько раз чуть не убили именно во дворце.

Виктория болезненно поморщилась. Вспоминать о тех попытках было слишком неприятно. Одна едва не закончилась трагически, и если бы не София...

— Чем тебя не устраивает обычная охрана? — спросила она мужа, поднимая голову. Ещё несколько месяцев назад, находясь в объятиях Арена в такой позе, когда его губы были настолько близко, Виктория сильно хотела поцеловать мужа — но те времена прошли, и сейчас она могла смотреть на него спокойно. — Я и так везде хожу со стражниками.

— Не везде. Стража отдельно, ты отдельно, Вик, — и не спорь, я прекрасно об этом знаю, поскольку мне отчитываются обо всех твоих передвижениях. Вот на прошлой неделе ты была в гостях у Силвана — никто из охранников ведь не входил внутрь его квартиры? Все ждали тебя снаружи.

— Я поняла: ты хочешь, чтобы у меня появилась вторая тень, — улыбнулась Виктория. Да, новость не слишком приятная, но на фоне свалившегося на неё внезапного груза по руководству комиссией — мелочь.

— Именно, — ответил на её улыбку Арен и разомкнул объятия. — Он здесь. Позволь вас познакомить?

— Конечно, знакомь, — кивнула Виктория.

Когда готовишься к смерти, а тебе взамен предлагают помилование с условиями, не успеваешь даже подумать об этих самых условиях. Какая, в сущности, разница, если жить хочется до боли? И страшно подумать о казни. Сам виноват, разумеется, — не надо было участвовать в заговоре. Но разве на его месте хоть один человек смог бы отказать?

Поэтому, увидев в камере незнакомого дознавателя с какой-то бумагой в руке, Гай сначала подумал, что за ним пришли, чтобы отвести на казнь. Он ждал каждый день, но всё равно замер, застыл, будто внезапно скованный льдом, — неужели сейчас? Так хотелось дожить до весны! Дурацкое желание с учётом вынесенного приговора, но чего ещё желать, когда просидел в тюрьме почти год?

— Почему меня до сих пор не казнили? — спросил он однажды у дознавателя, который проводил очередной допрос, и получил исчерпывающий ответ:

— Потому что следствие до сих пор идёт. Пока идёт следствие — все сидят. Следствие закончится — будут суды. Что вы так переживаете, — усмехнулся дознаватель. — Успеете ещё умереть.

Точно, умереть он всегда успеет. Однако жить очень хотелось. Увидеть дочь, о которой теперь заботилась сестра, обнять обеих, да даже просто поспать в родной постели. Твёрдые, как камни, койки изолятора намяли ему все бока.

В общем, когда незнакомый дознаватель предложил ему помилование взамен на двадцать лет государственной службы, Гай даже толком не задумался ни о чём. Помилование? Отлично! Он и раньше работал на государство — в Институте артефакторики, — так что справится.

Однако спустя несколько дней тот же дознаватель объяснил, что надо будет делать, и Гай по-настоящему изумился.

— Охранник? Личный охранник её величества императрицы Виктории? — повторил он по слогам то, что было написано в магическом договоре. — Вы шутите? Я артефактор, а не охранник.

— Хотите отказаться? — меланхолично поинтересовался дознаватель. — В таком случае помилование будет аннулировано.

— Нет-нет, разумеется, я согласен! — быстро кивнул Гай. Какая разница, в конце концов! Императрица так императрица.

Но это были ещё не все сюрпризы.

— О вашем происхождении никто не должен знать, — продолжал дознаватель не менее меланхолично. — Поэтому вы получите печать молчания и иллюзорный амулет. У вас будет другая внешность, другое имя. Писать или подавать вашим родственникам прочие знаки о том, что вы живы, будет нельзя и вообще невозможно.

Гай едва не взвыл. Да он же ради этого только согласился! Через двадцать лет дочка отца и не вспомнит!

— А никак иначе нельзя?..

— Нет. Впрочем, — дознаватель вдруг смягчился, — вы же будете охранником у императрицы. Не разочаруете её и императора — думаю, вам разрешат оповестить родных. Но это будет не завтра, понимаете? Вы должны доказать свою верность. Государственная измена — статья нешуточная.

— Да, — кивнул Гай, обрадовавшись. Точно, как он сразу не подумал! — Спасибо вам.

— Я тут ни при чём. Приказ императора.

Что ж, тогда спасибо его величеству за то, что решил помиловать. С учётом того, сколько всего натворили заговорщики, это действительно можно считать чудом.

Теперь главное — понравиться императрице. Надо из кожи вон вылезти, но получить разрешение сообщить сестре и дочери, что он жив и обязательно вернётся.

А возможно, если Гай будет очень полезен, ему и навестить их разрешат?

После освобождения из изолятора его сразу перенесли во дворец пространственным лифтом. Конечно, никто ему не докладывал, куда именно ведёт лифт — Гай просто догадался, увидев интерьеры, в которые попал. Ничем иным это быть не могло, да и вид из окна был характерный — хотя в столице до этого момента он не был никогда.

Стоял поздний вечер, судя по тому, что за окнами была сплошная чернота — если, конечно, не считать ярких огней предночной Грааги, красиво и почти романтично освещавших замёрзшую реку и набережную рядом. Подробнее Гай не успел ничего рассмотреть — его быстро провели по коридорам, завели в какую-то комнату, а затем сопровождающий его стражник в ярко-алой форме сказал:

— Садитесь. И ждите.

И ушёл.

Чего ждать, никто, конечно, не сообщил. И не предложил ни поесть, ни попить — а очень, кстати, хотелось, особенно пить. Из изолятора его забрали аккурат перед ужином.

Вздыхнув, Гай всё-таки сел в кресло и огляделся. Какой-то кабинет, и вряд ли он принадлежит кому-то из венценосной семьи — слишком уж тут было просто. И места маловато. Стол, на котором лежало несколько папок с бумагами и стояла большая лампа с зелёным абажуром, четыре кресла, у одной из стен — стулья, видимо, на случай, если посетителей будет больше. А сами стены состояли целиком и полностью из ячеек под магическим замком — такие обычно использовали артефакторы под свои материалы, но не только, разумеется. Внутри было удобно хранить что угодно, что требовалось закрыть на замок.

Под ногами лежал бордовый ковёр с мягким ворсом, в котором утопали ноги, кресло тоже оказалось не менее мягким и каким-то обволакивающим, и Гай через пару минут почувствовал, что начинает засыпать в этой абсолютной тишине. Кстати, а почему и вправду не подремать? Кормить его явно не собираются, так хоть поспит.

И только он собрался закрыть глаза, как в комнату размахисто, стремительно и энергично вошёл человек. Гай дёрнулся, чтобы встать, как полагалось в изоляторе, но вошедший махнул рукой:

— Сидите.

Подошёл к столу и сам опустил в кресло из тёмной кожи.

Он был очень молод — лет двадцать пять-тридцать, не больше. Тёмные волосы чуть выше плеч, худое лицо, умные, почти чёрные глаза. Не аристократ, что Гая поначалу безумно удивило. Но через пару секунд он вспомнил, что творила аристократия последний год, и подумал: видимо, император предпочитает общество нетитулованных.

На мужчине был алый мундир со знаками отличия, и Гай решил, что имеет дело с кем-то из высших чинов охраны дворца.

— Куда вы попали и кто я, как думаете? — неожиданно спросил незнакомец, рассматривая Гая так же внимательно, как и он его.

— Вы... — начал Гай и закашлялся: из-за мучительной жажды голос совсем охрип. — К-хх, простите...

Проигнорировав его извинение, мужчина дотронулся до браслета связи на своём запястье:

— Мойр, принеси, пожалуйста, воды. Один стакан.

Защитник, неужели!

— Спасибо, — искренне проговорил Гай.

— Не за что. Сможете ответить на вопрос или подождём, пока смочите горло?

— Смогу. Тут и думать нечего: вы — начальник охраны, видимо. Ну, или его зам. А это место — ваш кабинет.

— Верно.

В этот момент в помещение зашёл стражник со стаканом и, повинувшись краткому взгляду своего командира, отдал стакан Гаю, а затем сразу вышел.

Гай выпил воду почти залпом и вздохнул с облегчением. Теперь и есть не так хотелось.

— Меня зовут Ральф Рильо, — продолжал между тем его собеседник. — Я действительно с недавних пор начальник охраны дворца. Подчиняться вы будете мне — и никому больше, если не считать членов семьи Альго. Это понятно?

— Понятно, — кивнул Гай. — Но что делать, если приказы императора и императрицы будут противоречить друг другу?

— Думать головой в первую очередь, — усмехнулся Рильо. — Но если своей головой не получится — идите ко мне, вместе решим. Однако вряд ли у вас часто будут возникать такие ситуации. Её величество обычно не создаёт проблем.

У Гая был с женщинами совершенно другой опыт, поэтому он промолчал.

Отца он не помнил — тот рано развёлся с матерью и уехал в Альтаку, где и осел. А мама осталась с Гаем и его сестрой. Потом он женился и с супругой тоже хлебнул... всякого.

Да и среди его коллег в филиале Института артефакторики было много женщин, и Гай знал: проблемы они могут создать буквально из ничего.

— Далее, — говорил Рильо, откинувшись на спинку кресла, — вас, насколько я знаю, уже снабдили иллюзорным амулетом. Однако помните, что никакая иллюзия не бывает абсолютной, и если вы вдруг встретите человека, который вам знаком, старайтесь вести себя осторожнее. И сразу докладывайте мне, что были знакомы. Это ясно?

— Предельно.

— Что ж, дальше...

Инструктаж длился почти час, и к концу у Гая слегка опухла голова. Что можно, а что нельзя, как вести себя с императрицей и остальными Альго, где можно обедать и ужинать, когда отдыхать, как пользоваться дополнительными артефактами, которые ему выдали, — в общем, информации было более чем достаточно. Особенно для Гая, который никогда не был ничьим охранником.

— Я совершенно не понимаю, Ральф, — сказал он в конце, после того как начальник охраны дворца сообщил, что можно обходиться без формальностей. — Почему на эту должность выбрали именно меня?

— Ты не показался мне дураком, Гай, — хмыкнул Рильо, весело блеснув глазами. — Подумай.

Он нахмурился, помолчал... и негромко спросил:

— Родовая магия?

— Верно. И чем меньше людей знает, что она у тебя есть, — тем лучше.

После разговора Ральф повёл Гая в его комнату, и по пути туда, моргая сонными глазами, новоиспечённый охранник императрицы, подписавший магический договор, пошутил:

— А я думал, мне придётся спать на коврике у двери. Когда ты начал рассказывать про комнату, я удивился.

— Насколько я знаю, на коврике не спят даже в тюрьме, — устало улыбнулся Ральф. — А тут всё-таки не тюрьма. Условия у тебя будут нормальные, как по мне. Просто ты волен отдыхать не тогда, когда тебе хочется, а когда отдыхает её величество. Но так работаешь не только ты, много кто. Честно скажу, когда я только заступил на должность, вообще не отдыхал, сейчас гораздо проще.

— А почему не отдыхал?

— Потому что бывшим начальником охраны был человек принца Аарона. А до этого — сам принц, — ответил Рильо, и Гай на всякий случай решил больше ничего не спрашивать. Собственно, а зачем спрашивать? И так всё ясно.

Принц Аарон, старший брат императора, был главным организатором заговора против его величества. Он мало того, что считал: трон должен быть его, так ещё и не поддерживал политику Арена по стиранию границ между аристократами и нетитулованными магами. Эту

политику из аристократов и правда мало кто поддерживал, да и сам Гай сомневался когда-то — хотя потом и изменил своё мнение, решив, что лучше поддерживать императора, чем получить гражданскую войну.

На День Альганны — так назывался праздник в начале января, когда на главной площади столицы происходит Церемония подтверждения власти, как чествование императорского рода, — Аарон назначил переворот и убийство собственного брата. Арен выжил, а вот Аарон погиб — император сам испепелил его на глазах у нескольких сотен людей.

После начались аресты. Выяснилось, что дознавательский комитет давно уже держал на карандаше многих заговорщиков, и всех быстро замели в изоляторы. Гая арестовали одним из первых — он даже новости про неудавшийся переворот не успел узнать. Забрали прямо из парка, где он гулял вместе с сестрой и дочерью, — и больше родных он не видел.

Допросы, допросы, допросы... Гай сразу понял, что отрицать бессмысленно, и рассказал всё честно, надеясь на снисхождение. Не зря, получается, надеялся...

Ральф, разумеется, знал, по какой статье осудили Гая, и вряд ли испытывал по этому поводу положительные эмоции. Хотя такой ненависти, какую видел Гай в глазах многих дознавателей и охранников в изоляторе, он в Рильо не замечал, но и симпатии там не было. Скорее всего, ровное отношение начальника охраны к нему — обыкновенный профессионализм вкупе с рациональностью. Гай всё равно не сможет причинить никому вред из-за ментального амулета на крови императора — а влияние его силы нереально переломить.

Спустя пять минут блужданий по коридорам в сопровождении Ральфа Гай понял две вещи: во-первых, ориентироваться во дворце — та ещё наука, а во-вторых — его, кажется, вели куда-то на главные этажи, поскольку интерьеры вокруг с каждой минутой становились всё удивительнее. А он-то думал, что будет обитать на каких-нибудь задворках...

— Это Парадный этаж, — пояснил невозмутимый Рильо. — Он находится в самой высокой башне дворца. Здесь живут члены императорской семьи, ты всё верно понял. Но не только. Ещё здесь, например, обитает аньян* наследников. (*Аньян в Альганне называют гувернантку или няню.) Теперь будешь жить и ты. Не в самой элитной части, разумеется, немного дальше — в конце коридора есть несколько пустых покоев попроще. Император распорядился выделить тебе одну комнату.

— С ума сойти, — пробормотал Гай, но дальше было ещё поразительнее. Хотя за этот день он уже устал удивляться. Одни только стены на этом этаже чего стоили! На них располагались деревянные панели с разнообразной резьбой — можно было потратить вечность, рассматривая всё это великолепие и торжество художественного вкуса. А мимо какого аквариума Гая провели! Выше человеческого роста, полный разнообразных рыб всяческих форм, цветов и размеров, с водорослями, ракушками и замком из камней — его дочь пищала бы от восторга, если бы увидела такую красоту.

Но вот наконец Ральф остановился. Коснулся ладонью деревянной панели рядом с дверным косяком и пояснил:

— Раньше мы для входа использовали браслеты связи, но я эти правила изменил — слишком рискованно. Допуск в твою комнату есть всего у нескольких человек. Точнее, у четверых — я, императрица, император, ну и горничная.

Гай непроизвольно вытаращил глаза. Защитник, у него ещё и горничная будет!

Выросший в бедной семье, он к такому не привык.

— У тебя есть её номер на браслете связи, — продолжал Рильо, толкая дверь. — Если что-то будет нужно, связывайся с ней. Со мной — по рабочим вопросам. То есть набирать мне, если ты хочешь обсудить свежесть своего белья, не надо.

— Да, это ясно, разумеется, — пробормотал Гай, шагая через порог. И едва не присвистнул: ничего себе хоромы! После тесной камеры изолятора, в которой он много месяцев жил ещё с тремя арестованными, размеры этого помещения просто потрясали. Да тут даже танце-

вать можно! И кровать двуспальная, широкая настолько, что там и втроём можно поместиться, — ну просто роскошь, а не кровать! Как бы на ней ночью не заблудиться.

— Ну, как тебе? — поинтересовался Ральф, и в его голосе Гаю почудилась лёгкая ирония. Да, начальник охраны, скорее всего, понимал, какой ему покажется эта комната после изолятора.

— Это всё мне или сюда ещё кого-нибудь поделят? — пошутил Гай, и Рильо понимающе улыбнулся.

— Не поделят. Отдыхай. Завтра за тобой придут, скорее всего, рано утром — ни императрица, ни император не залёживаются.

— Я привык к ранним подъёмам.

— Вот и отлично.

Рильо ушёл, и Гай сразу же подошёл к креслам и низкому журнальному столику, на котором стояли три металлических подноса, накрытых крышкой. Неужели это то, о чём он думает?

И точно: на первом подносе оказался салат, на втором — вкуснейшее мясное рагу, а на третьем — большая чашка с горячим чаем и к нему — парочка сладких медовых пряников, мягких и настолько ароматных, что Гай аж прослезился. Вот бы сейчас сюда Тейку! Она такие пряники обожала.

К сожалению, это было невозможно, но он обещал сам себе, что постарается изменить собственное положение.

Проснулся Гай рано: за окном было ещё темно. Но потом небо начало светлеть, и вместе со светом на землю посыпался снег. Первый в этом году для Гая. Осуждённых за государственную измену выводили гулять раз в день во внутренний двор, где не росло ни одного дерева, да и под ногами была не трава, а гравий — чтобы грязь не застаивалась. Снега там быть не могло в принципе, как и всего остального — поэтому Гай последние месяцы видел лишь солнце и небо.

Но теперь вот и снег.

Пушистый и крупный, он начал медленно падать на город, как будто кто-то там, наверху, пока ленился и не желал работать в полную силу. Но с каждой прошедшей минутой снега становилось всё больше — и вот он даже начал закручиваться в небольшие воронки, словно за стеклом играли в салочки воздушные духи.

А потом за ним пришли. Не Ральф — другой охранник. Постучался в дверь и, когда Гай открыл, кратко сказал:

— Собирайся, зовут. У тебя пятнадцать минут.

— Я уже готов, — ответил Гай, невольно выпрямляясь и ощущая лёгкое волнение. А ещё невнятный голод: проснулся-то он давно, но пока не завтракал. Нечем было.

— Тогда идём, — кивнул стражник, отходя в сторону, и Гай шагнул через порог.

Он чувствовал себя немного странно — вчера Ральф приказал ему бросить одежду в корзину для грязного белья в ванной и сообщил, что вся новая одежда находится в шкафу. Там действительно было достаточно и рубашек, и штанов, и белья, и даже кожаные пояса имелись, и обувь, и верхняя одежда — но Гаю было непривычно ходить в том, что он не покупал себе сам. В изоляторе, разумеется, тоже такие порядки, но там все ходят в одном и том же — форма неприятного жёлтого оттенка, как детский понос, — поэтому воспринималось всё иначе.

Новая одежда была удобной, купленной строго на его размер, но состояла сплошь из чёрного цвета, который в обычной жизни Гай редко носил, чтобы не пугать дочь. Сейчас же чёрным было всё, вплоть до нижнего белья. И рубашка, и строгий китель сверху — точь-в-точь как у других стражников, только не алый, а чёрный. Хорошо хоть пуговицы медные...

Интересно, почему так?

Охранник, вслед за которым шёл Гай, остановился перед широкой деревянной дверью, рядом с которой стояли ещё двое его коллег, посмотревших на Гая с откровенным любопытством, и произнёс:

— Ждём.

Больше он ничего не сказал, и Гай решил уточнить сам:

— Чья это комната?

— Её величества, — последовал краткий и не слишком довольный ответ, но ему хватило и этого.

Под ложечкой неприятно засосало, Гай сделал глубокий вдох, пытаясь унять волнение, и невольно вспомнил, что он слышал об императрице.

Молодая и очень красивая. Своевольная, говорят, даже почти истеричная. Ревнивая. И не поддерживающая нововведения мужа. По крайней мере, такими были слухи, распространяемые среди аристократии, но Гай в них не особенно вслушивался — у него были другие проблемы. Множество проблем, по правде говоря.

Что ж, сейчас посмотрим, насколько эти слухи правдивы.

Дверь распахнулась ровно через пятнадцать минут. Гай, смотревший на часы на браслете связи каждую минуту, не успел удивиться подобной точности, поскольку изнутри слышался громкий властный голос:

— Заходи.

— Заходи, — повторил сопровождающий Гая стражник, от души добавив ему по спине так, что он едва не влетел в дверь головой. В последнюю секунду выпрямился и вошёл как положено, холодея от мысли о том, кого сейчас встретит.

Страшно было до колик.

Император, действительно находившийся прямо за дверью, скользнул по Гаю ледяным взглядом жутких чёрных глаз почти без белков, из-за которых всегда казался ему похожим на паука, и тут же посмотрел куда-то назад, подняв брови.

— Извините, ваше величество, — кашлянул за спиной Гая тот самый охранник, который его подтолкнул, и Арен бесстрастно произнёс:

— Выговор, Кирстен. Передашь Ральфу, он назначит тебе наказание. На первый раз прощаю, услышу, что злоупотребляешь, — уйдёшь не только из дворца, но и из числа сотрудников комитета безопасности.

— Да, ваше величество, — гаркнули позади, пока Гай постепенно прирастал к полу от удивления.

Ледяное презрение — вот чего он ожидал от императора. И лёд в его взгляде был, да — целая глыба. Но унижать Гая он не позволил. Хотя, казалось бы...

— Иди, — сказал Арен, кивнув на этот раз Гаю. Без малейшего тепла, совершенно сурово — но отчего-то его страх перед этим человеком начал стремительно уменьшаться.

А потом Гай и вовсе забыл о страхе, заметив самую красивую женщину, которую когда-либо видел. Он сразу понял, кто она — видел на магпортретах в газетах, но ни один портрет не мог передать синеву её глаз, блеск золотых волос, нежность кожи, очарование лёгкой вежливой улыбки.

— Здравствуйте, — сказала она приятным грудным голосом, показавшимся Гаю немного робким — хотя не могло быть у императрицы робкого голоса, разумеется! — и сразу после этого император приказал — безо всякой робости, громко и чётко:

— Представься.

— Гай, — сказал он, чувствуя себя идиотом из-за этого. Кто же так представляется её величеству? Но сказать что-то иное он не мог — ментальный запрет.

— И всё? — вопросительно посмотрела императрица на мужа. Он, вставший с ней рядом, сложил руки на груди и кратко кивнул.

— Занятно, — произнесла она негромко, разглядывая Гая. А потом спросила то, что его тоже беспокоило: — А почему он в чёрном? Форма у охранников алая.

— Он не охранник и не сотрудник службы безопасности. Я не хотел, чтобы Гая путали с обычным слугой, поэтому решил, что чёрное — лучший вариант. Да и ты любишь в земле копаться, грязь не будет столь заметна, — на последней фразе в голосе императора появилось что-то ироничное, и императрица улыбнулась, из-за чего её лицо стало ещё красивее — у Гая от этой красоты буквально захватило дух.

И не показалось ему, что она мужа не поддерживает. Да и истеричкой Виктория не выглядела — по крайней мере на первый взгляд.

— А в детскую Гай с нами пойдёт? — уточнила её величество, и император ответил:

— Нет, ни к чему, подождёт за дверью. А вот завтракать будет с нами. Ты же не завтракал, Гай, правильно?

— Да, ваше величество, — кашлянул он. — Только ужинал.

— Я тоже пока только ужинал. — И вновь эта ирония в голосе, как будто так и надо! — Мы с Викторией пойдём в детскую как обычно, а ты — через дверь и по коридору. Кирстен покажет. Если будет ещё заирать тебя, скажешь Ральфу. И не только про него. Это ясно?

— Да, ваше величество.

Он хотел спросить, что значит «как обычно», но не успел — император, взяв за руку свою жену, подошёл к камину, а затем...

Просто вошёл внутрь, перешагнув ограждение.

В огонь.

— Кх-хм, — вырвалось у Гая непроизвольно, когда он понял, что такое «как обычно». Конечно, он знал, что члены семьи Альго огня не боятся, но зачем ходить через камин? Неужели быстрее, чем по коридору? Пространственный лифт тоже требует времени.

Впрочем, это не его дело.

Развернувшись, Гай пошёл к двери, прочь из покоев императрицы.

*

Дорогие читатели! Тех, кто ждал, я поздравляю с началом этой истории! Если вы верите в то, что Виктория (вместе со мной, разумеется))) всё сможет - ставьте, пожалуйста, звёздочки :) Не здесь, а в карточке книги, где аннотация)

Глава вторая

— Почему — Гай? — кратко спросила Арена Виктория, зайдя в огонь. Глаза она держала зажмуренными — смотреть на пламя ей было не по силам. Не урождённая Альго ведь.

Она знала, что муж поймёт смысл её вопроса — так и произошло.

— Гай — осуждённый, — не менее кратко ответил Арен, и Виктория задумалась.

Да, она слышала, что император решил позволить некоторым осуждённым на тюремное заключение, каторжные работы или даже смертную казнь заменить наказанием государственной службой. Не всем, разумеется, — лишь особенно ценным магам, которых было слишком расточительно держать в тюрьме или лишать жизни. Пусть работают.

Получается, Гай — именно такой маг. И скорее всего, его зовут как-то иначе, а Гай — это как позывной у сотрудников первого отдела.

— Он аристократ?

— Ты видела его, разве почувствовала родовую магию?

Арен быстрыми и уверенными движениями обеих рук строил пространственный лифт — Виктория не видела этого, но ощущала, поскольку прижималась к мужу. Отходить от Арена в камине было нельзя: огонь не трогал её, только пока она прикасалась к супругу.

— Не почувствовала, — усмехнулась Виктория. — Но родовую магию Софии я тоже не чувствую. И не только я.

Император засмеялся.

— Не думай об этом, Вик. Его дело — охранять тебя.

— Я понимаю, но мне не хотелось бы иметь в охранниках человека, который участвовал в заговоре против нашей семьи.

— Участие может быть разным. Глубокие, искренние убеждения или их отсутствие, сознательный выбор или его отсутствие — всё это важно. Я не взял бы на работу опасного для тебя человека. Впрочем... — Арен на мгновение замолчал. — Если тебе настолько не понравился Гай, я могу попросить Гектора подобрать другого заключённого. Но подумай хорошенько. Именно этого охранника к тебе приставили не просто так.

— Ты ничего не делаешь просто так, я понимаю...

Ощувив перенос, Виктория сильнее прижалась к мужу: она всегда не любила перемещаться через камин. Не боялась, просто не любила. Впрочем, кто бы полюбил такое?

Если только София, но она любила всё, что любил Арен.

Интересно, кто такой этот Гай? Конкретно за что был осуждён? Спрашивать его бесполезно, разумеется — печать молчания не даст мужчине говорить.

Арен сказал: «Если он тебе настолько не понравился», но Виктория не могла сказать, что ощутила к своему охраннику какую-то неприязнь. Обычный мужчина. Среднего роста — ниже её мужа, — с длинноватыми тёмными волосами и заросшим бородой лицом, из-за чего он казался излишне угрюмым. Серые глаза смотрели тревожно, с опаской, хотя на мгновение, когда Гай впервые увидел её, Виктории почудилось в них восхищение. Но возможно, она ошиблась.

— Что будет с ним, если я откажусь? — поинтересовалась Виктория, и Арен невозмутимо ответил:

— Казнь.

Значит, всё-таки государственная измена. Не убийца же Гай? Убийцу к ней бы не отправили.

Нет, не откажется она от него. Ещё не хватает стать причиной смерти этого мужчины. В её окружении за последний год было слишком много смертей. Слишком много.

— Открывай глаза, Вик, — скомандовал Арен, и она послушно подняла веки, а затем быстро заморгала — несмотря на то, что глаза оставались закрытыми во время переноса, они всё равно поначалу слезились.

— Доброе утро! — раздался звонкий и радостный голос Софии, и от окна к ним шагнул её силуэт — больше Виктория пока не могла рассмотреть. — Сегодня такой красивый снегопад!..

Большинство людей, если бы узнали о происходящем в личной жизни Виктории, не поняли бы, как она живёт и как терпит всё это. Но ей ничего не приходилось терпеть по одной простой причине: нынешняя ситуация была её собственным выбором.

София появилась в их с Ареном жизни весной. Они искали новую аньян после того, как предыдущая решила уйти на пенсию, и император взял на работу Софию Тали — молодую и жизнерадостную рыжую девушку, к которой Виктория сразу начала его ревновать. Никто из них тогда ещё не знал про проклятье, оставленное императрице на память Аароном*, и поведение Виктории Арен списывал на дурной характер жены.

(*Речь идёт о событиях книги «Тьма императора».)

Да, она и правда вела себя отвратительно — стыдно было вспоминать. Даже пыталась приворожить Софию к Адриану, племяннику императора.

Потом много всего случилось. Они вместе пережили несколько покушений на Агату, вместе узнали про проклятье Виктории, и она надеялась, что после этого помирится с мужем и всё у них будет хорошо. Но было уже слишком поздно: Арен полюбил Софию. Опасаясь за её жизнь, император убрал девушку из дворца и сразу после этого начал медленно угасать.

Виктория, вспоминая, как из мужа, словно по капле, уходила жизнь, холодела всем телом и старалась спрятать эти воспоминания поглубже. Она сама едва не умирала, глядя на Арена, который стал похож на ходячий труп — так его уничтожал отказ от отношений с Софией.

И она позволила ей вернуться. Сама. И ещё ни разу не пожалела об этом — и не только потому, что муж и София никогда не оскорбляли её своим поведением. Для всех остальных София была лишь аньян детей императора — правду знали немногие. Девушка всегда держалась в тени и, казалось, ни капли не страдала из-за своего положения, с которым, например, с трудом смирился её дедушка — глава комитета безопасности Вано Вагариус.

Виктория не пожалела о своём поступке вовсе не потому, что для всех она по-прежнему оставалась императрицей. Просто начиная с того самого дня, когда София вернулась во дворец, Арен стал поправляться — словно почти увядший цветок после того, как ему наконец дали живительной воды. И Виктория не могла не радоваться за мужа, которому не желала ни несчастья, ни смерти.

От Арена и Софии она с тех пор видела такую бесконечную благодарность, что ей порой даже было неловко. Они искренне беспокоились за неё, не хотели причинять боль, заботились, чтобы у неё всегда и всё было, — в общем, если поначалу Виктория и ревновала, и переживала, то потом эти чувства ушли, сменившись совсем иными.

Она была счастлива за Арена и Софию. По-настоящему, светло и чисто счастлива.

Но о собственном счастье даже не помышляла.

К удивлению Гая, охранник по имени Кирстен, которого отчитал император, перед ним даже извинился. И не сквозь зубы, а нормально, по-человечески.

— Ты извини, — сказал он, хмурясь, — я не должен был так поступать. Просто моя семья пострадала от заговорщиков.

— Понимаю, — кивнул Гай. Он и правда понимал, даже ожидал, что такое отношение будет нормой — но, по-видимому, император считал иначе. — Меня удивляет, что его величество...

— Он такой человек. Поработаешь ещё немного — поймёшь. Император принял тебя на работу с учётом всех обстоятельств, он оставил их в прошлом. И он не терпит никакого непрофессионализма, вообще никакого. Я знал это, и потому вдвойне виноват. Выговор справедливый.

— А в чём он заключается — выговор? — поинтересовался Гай. Всю жизнь прослужив артефактором, он не представлял, как именно наказывают охрану. А Рильо на наказаниях внимание не акцентировал, просто упомянул, что за провинности можно получить по шапке.

— Дежурство вне очереди, — пояснил Кирстен. — И вычет из премии. Сколько дежурств мне предстоит и сколько денег вычтут — решит Ральф.

— Мне такие наказания не грозят, — хмыкнул Гай, отчего-то развеселившись. — Выходных и так нет, да и оплаты тоже.

— Не знаю насчёт выходных, но с оплатой ты ошибаешься, — отрезал стражник, покосившись на Гая с удивлением. — Плохо прочитал договор, скорее всего. Наш император не мог принять тебя на работу без оклада. Он должен быть. И счёт в банке на твоё имя наверняка открыли.

Это было любопытно, особенно с учётом того, что официально Гай, скорее всего, считался отправленным за решётку. Какой ещё счёт на его имя? Но договор он и правда толком не читал, зачем? Выбора всё равно не было.

А надо будет почитать...

— Вот столовая, — сказал Кирстен, останавливаясь рядом с двустворчатой дверью, такой же резной, какими были на этом этаже все остальные. Только вырезана на ней была виноградная лоза. — Ты запоминай, где что. Не вечно же тебя водить. Их величества с утра всегда так: сначала вместе отправляются будить детей, потом идут завтракать. Бывают исключения, но редко, и обычно о них известно заранее.

Гай, всё ещё не отошедший от понимания того, что сегодня будет завтракать вместе с венценосной четой, кивнул.

Перед столовой в компании троих стражников, считая Кирстена, он проторчал минут двадцать, не меньше. Оно и понятно: разбудить двоих детей — дело нешуточное. Он сам иногда тратил по полчаса, чтобы поднять дочь с кровати по утрам.

А потом в конце коридора показались две очень интересные особы, и Гай заметил, как заулыбались стражники, завидев их.

Молодая рыжая девушка в простом серо-зелёном платье с густо разрисованной веснушками кожей — у неё было настолько открытое и доброе выражение лица, что Гаю невольно захотелось улыбнуться самому, когда он заметил её улыбку, предназначенную девочке, которая шагала рядом. Девочка точно не была наследницей: как выглядит принцесса Агата, знала вся страна, в том числе и Гай, хотя возраст у малышки был тот же — лет семь-восемь, не больше. Нежно-голубое платье из тончайшего шёлка, белые туфельки на маленьких ножках, светлые, почти платиновые волосы, глаза большие и пронзительно-голубые, как небо в морозный день, — эта девочка показалась ему похожей на зимнюю фею из сказки.

— Кто это? — спросил он тихо у Кирстена, и тот ответил так же негромко:

— София Тали — аньян детей императора. С недавних пор ей в нагрузку дали ещё и эту малышку. Её зовут Ариэлла Велариус. Она сирота, у неё осталась только бабушка, и, пока идёт судебное разбирательство, девочка живёт во дворце. Только не спрашивай почему, я понятия не имею. Поначалу её главный дознаватель притащил, наверное, не хотел в приют отправлять, а потом они с принцессой подружились. Хотя она...

— Пустышка... — произнёс Гай ещё тише, понимая, что показалось ему странным в этой девочке изначально.

Она была аристократкой — он чувствовал это по наличию родовой магии, которая всегда ощущалась на интуитивном уровне. Но энергетического контура у Ариэллы Велариус не было. Именно в нём аккумулировалась магия, оттуда маги брали силу для того, чтобы творить заклинания.

Аристократка без магии — для всех это было не столько грустно, сколько позорно. И вдруг — подружилась с принцессой! Принцесса, по представлению Гая, вообще не должна желать даже разговаривать с такой девочкой.

Видимо, он ни демона не понимает в принцессах.

Между тем аньян и её воспитанница подошли ближе и начали звонко здороваться, называя всех стражников по имени. Один из них — тот, что постарше, — расплывшись в умильной улыбке, достал из кармана конфету в яркой фольге и протянул Ариэлле.

— Держи, лапочка, — сказал он и после того, как девочка взяла конфету, обратился к смеющейся Софии: — Вы же не выдадите меня, София? Знаю, не положено...

— Не волнуйтесь, не выдам, — кивнула девушка. — Да и Элли съест свою конфету только после завтрака.

— Конечно! — уверила стражника малышка. — Но, Ран, в следующий раз приносите лучше три конфеты! Чтобы я могла поделиться с Агатой и Александром, а то нечестно.

— Договорились, — серьёзно пообещал охранник, и Гай не выдержал — рассмеялся.

— А вы, наверное, Гай? — тут же поинтересовалась София Тали, посмотрев на него со светлым любопытством. — Её величество рассказала мне о вас, пока мы будили детей.

— Да, это я, — ответил он, разглядывая веснушчатые щёки и нос. В отличие от императрицы, чьё нежное лицо было аристократическим до последней черты, мордашка этой Софии точно принадлежала девушке простой. Её как-то легко можно было представить в деревне среди коров и коз или на кухне, в окружении кастрюль и сковородок. Да и магом аньян детей императора была совсем слабеньким — пятнадцать магоктав, ни о чём.

И Гай не выдержал. Наверное, виной всему было лицо Софии — безумно располагающее к себе.

— Сегодня удивительный день, айла, — признался он откровенно. — Мало того, что меня ведут завтракать вместе с их величествами, так ещё и вы — не аристократка. Я и подумать не мог, что у наследников может быть аньян-не-аристократка. Уж простите...

София рассмеялась, и Гаю отчего-то почудилось, будто в глубине её серых глаз взметнулся огонь.

— То ли ещё будет, — пошутила она, а затем повернулась лицом к дверям, ведущим в столовую. — Ну что ж, заходим. Кстати, Гай, вы мыли руки?

Он задумался.

— Когда умывался утром. Но...

— Ясно. Тогда сходите помойте и возвращайтесь. Тут рядом есть умывальная. Кирстен покажет.

Гай даже не подумал послушаться.

Общение с детьми умиротворяло Викторию всегда, даже когда она была под воздействием проклятья. И сейчас, пока она будила вместе с Ареном Агату и Александра — София отправилась будить Ариэллу, которая обитала в комнате неподалёку от детской наследников, — напилась от них энергией так, что подумала: пусть руководство комиссией, пусть личный и непонятный охранник. Она со всем справится!

— У тебя изменилось настроение, — шепнул ей Арен, когда они вместе с детьми переходили в столовую через камин. В отличие от Виктории, Агата и Александр подобный способ обожали. — Так держать, Вик.

— Учитывая, что мне сегодня надо в Институт артефакторики, возможно, это ненадолго, — засмеялась она, обнимая мужа.

— Ох, точно! — вспомнила вдруг Агата и явно огорчилась. — Сегодня же понедельник! А значит, уроки.

— Я бы с удовольствием поменялась с тобой местами, радость моя, — сказала Виктория со смешком. — Но не могу. И твой папа дал мне новое задание. Я теперь буду руководить комиссией по родовой магии.

— Ого!

— Строго говоря, с сегодняшнего дня комиссия будет называться отделом, — заметил Арен. — Я согласовал это с Кларой. И ты — руководитель отдела, да. Со временем и до комитета вырастем, уверен.

подавив желание почесать лоб, Виктория размеренно вздохнула.

И всё-таки страшновато...

Арен ласково погладил её по спине, а затем сказал:

— Всё, можно выходить. Агата, Александр, только не бегайте по столовой, как в прошлый раз. Сегодня с нами будет завтракать новый человек, ведите себя прилично. А то он решит, что вы не наследники, а демонята.

— Кто? — удивлённо поинтересовалась Агата. Арен подхватил Викторию на руки и привычно вынес из камина. Почувствовав под ногами пол, она открыла глаза и ответила дочери, быстро смахнув слёзы:

— У меня новый охранник. Он будет сопровождать меня во время выездов. Кстати, Арен... Ты уверен, что ему стоит завтракать с нами? Он может ходить в столовую в это время.

— А это решать тебе, Вик, — ответил император, пожав плечами. — Ты вольна ему приказывать. В первый день я решил так, чтобы он всех нас увидел и немного освоился. Да и эмоции его мне интересны. Только ты, — повернулся к Агате Арен, — не вздумай снимать эмпатический щит.

— Я постараюсь, пап, — лукаво улыбнулась наследница, и в этот момент двери столовой распахнулись, впуская в помещение Софию и Ариэллу.

Эта девочка появилась во дворце недавно, ещё и двух недель не прошло. Поначалу все удивились, когда Гектор Дайд, главный дознаватель, привёл её во дворец — и не к кому-нибудь, а к Софии, когда она сидела с Александром, а Агата была на уроках, и попросил позаботиться о малышке. Потом Гектор отправился к Арену и вышел от императора с разрешением для Ариэллы жить во дворце, пока идёт суд над её бабушкой.

Девочка быстро подружилась и с Софией, и с Агатой и Александром. И если поначалу Виктория не пришла в восторг от поступка Гектора: после множества покушений на Агату она нервничала из-за незнакомых людей рядом, даже если эти люди — маленькие девочки, но затем не только смирилась, но и обрадовалась, что у её детей наконец появилась компания. Агате и Александру действительно не хватало общества других малышей — они чаще проводили время друг с другом и с Софией, чем со сверстниками.

— А где Гай? — удивился император, заметив, что охранник отчего-то отсутствует.

— Я его отправила мыть руки, — призналась София, и все рассмеялись.

За завтраком Гай почти всё время помалкивал — говорил, только если спрашивали. Но никто его ни о чём особенном не спрашивал. Дети, привыкшие к слугам и охране, не обра-

щали внимания, разговаривали в основном между собой. Причём девочки обсуждали магию! Да, даже Ариэлла. Они с Агатой вместе, судя по всему, пытались что-то разработать, вызывая понимающие и ласковые улыбки у родителей и Софии. Аньян следила за тем, чтобы дети нормально позавтракали, напоминая всем то про кашу, то про фрукты, то про чай, император молча и быстро ел, а императрица либо смотрела на детей, либо пребывала в собственных мыслях, слегка хмурясь.

Гая посадили напротив Софии и детей, слева от Виктории — и он на своей стороне стола был один. Благодаря этому положению он мог всецело оценить отношения между детьми и их аньян и сделал вывод, что София не зря ест свой хлеб. Наследники определённо были к ней привязаны, да и Ариэлла от них не отставала. И по-видимому, дети чаще находились именно с Софией — поскольку молчание отца и матери они воспринимали абсолютно нормально, а вот своей аньян молчать толком не давали. Гай даже удивлялся, что она успевает поесть. Каждый раз, когда он поднимал голову от тарелки, София либо поправляла на Александре салфетку, либо отвечала на вопрос Ариэллы, либо напоминала Агате о том, что каша в тарелке стынет. У детей с их аньян явно была собственная экосистема, как у деревьев в лесу.

А вот император с императрицей стояли особняком. Хотя, когда его величество сообщил, что ему пора, дети обняли отца очень сердечно, и Агата, милая темноволосая и смуглая девочка с карими глазами, полными детской хитрости, искренне и очень заботливо напомнила ему, чтобы не забывал об обеде.

— Я постараюсь, — ответил Арэн серьёзно, а затем неожиданно обратился к Гаю: — Держи лицо сегодня. Иллюзорный амулет не панацея, когда общаешься с кем-то, кто тебя хорошо знает.

Гай непроизвольно напрягся, но кивнул, решив не уточнять — на месте во всём разберётся. Хотя и так понятно: по-видимому, император полагает, что Гай вскоре встретится с кем-то знакомым. Это вполне вероятно: он знал многих аристократов, хоть и жил не в столице.

Правда, теперь почти все они были арестованы.

— Агата, Ариэлла, вам тоже пора на уроки, — скомандовала София, поднимаясь из-за стола. — Пойдёмте, я вас провожу.

— До свиданья, мама! — звонко сказала Агата, подбегая к императрице, и крепко её обняла. Спустя пару секунд к ней присоединился и Александр. По возрасту он был близок к Тейке, поэтому Гай старался смотреть на него как можно меньше: слишком тоскливо становилось. — У тебя всё-всё получится!

— Возвращайся скорее, — картаво произнёс Александр, и императрица, улыбнувшись, расцеловала обоих детей, а затем кивнула Ариэлле, которая стояла рядом с влажными глазами.

— Не волнуйся, Элли, я уверена, совсем скоро ты увидишь свою бабушку, — сочувственно сказала императрица.

— Спасибо, ваше величество, — вежливо ответила девочка, тяжело вздохнув, а затем, отойдя к Софии, которая уже стояла возле двери, уцепилась за её руку. Спустя несколько секунд за другую руку ухватился Александр, и уже за него — Агата.

Так они и вышли из столовой — паровозиком.

— Что ж, — сразу после этого тихо проговорила её величество, вставая, — мы с вами тоже отправляемся, Гай. Сегодня мне нужно в Институт артефакторики.

Гай, помнивший, что императрица по специальности биолог и чем-то занимается в дворцовой оранжерее, удивился.

Впрочем, мало ли, что может быть нужно в институте её величеству? Однако это объясняет, почему император упомянул про «держать лицо».

Гай полагал, что разгадал совет его величества, — однако чуть позже выяснилось, что он ошибался.

Комиссия по изучению родовой магии существовала давно. Её организовал ещё прежний император, но много лет разработки стояли на месте. Когда Арен понял, что с напряжением, назревающим в обществе, необходимо что-то сделать, он начал подстёгивать сотрудников комиссии, поскольку именно наличие родовой магии у аристократов являлось главным аргументом против закона о ненаследственной передаче титулов. Со всем остальным можно было спорить, но родовая магия действительно переходила только от аристократа к аристократу, у бастардов она не приживалась — и некоторое время назад стало известно почему.

Уникальное открытие совершили учёный-артефактор Рон Янг и врач Эн Арманиус. Именно им император доверил тайну своей семьи и показал потайную комнату со множеством документов, позволив получить ключ к разгадке.

Виктория знала эту историю досконально, но участникам комиссии рассказывать её было не позволено. Именно поэтому Янг выступал в качестве консультанта — он, как знающий правду, должен был направлять и наставлять артефакторов-аристократов, которые зачастую вели себя как слепые котята. Ну, почти слепые — они понимали основное.

Родовая магия может появляться и у нетитулованных магов — главное, чтобы этот маг был признан официально. Шокирующий факт.

Перед комиссией была поставлена почти невероятная задача: разработать способ, с помощью которого можно определить, потомком какого рода является тот или иной нетитулованный маг, а ещё — если это вообще возможно — разбудить в нём дремлющую родовую силу. В том, что это реально, сомневался даже Янг, но он обычно говорил:

— Всё надо делать постепенно. Незачем думать о том, как разбудить силу, если мы даже не знаем, какую именно силу собираемся будить.

Однако пока успехов не имелось. Несмотря на все эксперименты, у комиссии не получалось разработать способ тестирования нетитулованных магов на состав их крови по родам. И в последнее время бывший руководитель комиссии даже начал говорить, что это вовсе невозможно — но Рон Янг был с этим в корне не согласен, а император гораздо сильнее прислушивался к нему, чем ко всем остальным.

Виктория была уверена: если бы Янг руководил комиссией, точнее, теперь уже отделом, они гораздо быстрее достигли бы успеха. Но Рон принципиально не желал этого делать. Он был не-аристократом до мозга костей, титулованных магов по большей части не любил или даже презирал за чванливость и гордыню — хорошо, что на Викторию это отношение отчего-то не распространялось. Может, потому что она была женой императора, которого Рон, кажется, всё-таки уважал, а может, он интуитивно чувствовал, что нет в ней ни чванливости, ни гордыни. Более того, Виктория во многом была согласна с его мнением, поскольку пострадала от всех этих качеств, которыми вдоволь обладали и её ближайшие родственники — кроме мамы, конечно, — и окружавшие её в прошлом люди. Она была слабым магом, поэтому другие аристократы смотрели на неё с пренебрежением, особенно когда Виктория поступила в Институт прикладных наук, традиционно считавшийся учебным заведением «для бездарных и безродных», а отец и брат искренне полагали, что главное её достоинство находится между ног. Они рассчитывали выдать Викторию замуж за богатого жениха, и их желание даже сбылось, только не так, как они думали. И если до её свадьбы с императором отец и брат много играли в карты, промотав все деньги до гроша, то после — перестали. Император запретил. В итоге её родственники уехали жить в город недалеко от столицы, брат даже женился, но Виктория их не навещала — не хотелось.

Да, Арен спас её, пусть и невольно — он женился на ней не потому, что любил, а потому что правящий монарх должен быть женат. И выбрал он Викторию, потому что она его не боя-

лась, не кокетничала и не пыталась очаровать, а просто была собой. Виктория в то время тоже не была в него влюблена, но позже...

Позже она на самом деле полюбила мужа, и если бы не Аарон и его проклятье, из-за которого она вела себя совершенно ужасно... Кто знает, может, сейчас они были бы счастливы вместе?

Но теперь уже поздно.

Перенос в пределах дворца осуществлялся только из определённых комнат, где круглосуточно находилась стража, но и перенестись сюда мог не каждый маг: следовало сначала получить допуск. Недавно начальник охраны согласовал с императором очередное нововведение — теперь для того, чтобы переноситься из дворца, тоже нужен был допуск. Рильо постоянно совершенствовал систему охраны, и Виктория уже запуталась, каким по счёту является это новшество с переносами.

— Вы сможете воспользоваться пространственным лифтом? — уточнила она у Гая, двигаясь к посту охраны, где находилась площадка для лифтов.

— Конечно, ваше величество, — ответил он и замолчал. Виктория даже невольно улыбнулась, догадавшись, что этот мужчина вряд ли был раньше сотрудником службы безопасности, раз не догадался, что она спрашивает не про его умения как мага, а про доступ на переносы.

Впрочем, Гай оказался сообразительным: спохватился через несколько секунд и поинтересовался:

— А во дворце есть какой-то регламент для тех, кто пользуется пространственным лифтом? Мне ничего не говорили, но сюда переносили именно лифтом. Правда, я был в компании с двумя охранниками.

— Ваше величество, не беспокойтесь, — негромко отозвался один из стражников, что шли позади них с Гаем. — У него есть допуск.

— Вы тоже пойдёте со мной? — спросила Виктория, не оглядываясь. — Или сегодня я только с Гаем?

— Мы пойдём с вами, — огорчил её тот же стражник. — Но останемся в коридоре перед залом заседаний комиссии. Внутрь пойдёт только Гай.

Она кивнула и чуть слышно вздохнула. Виктории и двое охранников всегда казались перебором, а теперь их будет трое. Ещё и третий — настоящая тень, раз вынужден ходить всюду вместе с ней.

«Надеюсь, в туалет он за мной не пойдёт», — подумала Виктория с усмешкой, представив, с каким выражением на неё будут смотреть другие сотрудницы Института артефакторики, если она приведёт в женскую уборную мужчину. Отдельного туалета для императрицы там не имелось, она ходила в общий, но он был вполне приличным. Гораздо лучше, чем местная столовая, поэтому на обед Виктория старалась возвращаться во дворец, но не всегда получалось.

Через пространственный лифт можно было отправиться лишь втроём, большее количество человек это заклинание не вмещало, и в зале для переносов Виктория попыталась использовать этот аргумент, чтобы сократить число своих охранников хотя бы на одного, — но потерпела неудачу. У них был приказ и регламент.

— Значит, сначала переносимся мы с Гаем, — приказала Виктория, поняв, что возражать бесполезно. Будет ходить с конвоем, как преступница. — А потом вы, Кирстен и Шон.

— Наоборот, ваше величество. Регламент...

— Ральф уже успел сочинить регламент и на этот случай? — не выдержала и сыронизировала Виктория. Ей нравился Рильо, но порой малодушно хотелось, чтобы он был менее ответственным хотя бы в не имеющих значения мелочах. Ну кто будет покушаться на неё в Институте артефакторики, в самом деле?

— Конечно, ваше величество, — бесстрастно ответил Кирстен, но уголки его губ дрогнули в понимающей улыбке.

— Что ж, тогда переноситесь.

Глядя на императрицу, которая в своём светло-золотом платье казалась Гаю частичкой солнечного света весной — настолько она была нежной, воздушной и прекрасной, — он отчётливо осознавал, что ни демона не понимает в охране венценосных особ. Виктория говорила с остальными сопровождающими её стражниками про регламент, но Гай понятия не имел, о чём речь. Мог только догадываться, что у охранников существуют чёткие инструкции, что они должны делать в том или ином случае, но Рильо мало что ему по этому поводу сообщил. Только то, что он должен по возможности сопровождать Викторию везде, защищать и слушаться, без спроса в разговоры не вступать, на вопросы окружающих не отвечать, если императрица не позволит. А в остальном... Он не знал, например, в каком порядке надо переноситься лифтом — сначала он и Виктория, а потом остальные охранники, или наоборот.

Почему?

Вывод напрашивался однозначный.

Потому что её величеству, на самом деле, не охранник нужен, а кто-то другой. Кто? И в курсе ли этого факта сама императрица?

Между тем Кирстен и Шон исчезли в стенах засиявшего пространственного лифта, а спустя пять секунд завибрировал браслет Гая — и от неожиданности мужчина едва не подпрыгнул.

— Это сигнал, что мы можем переноситься, — пояснила императрица, когда он коснулся браслета, чтобы прервать вибрацию. — Кирстен отправил вам как старшему в их отряде.

— Старшему?

— Да. В отряде, который сопровождает любого из членов нашей семьи, всегда есть старший охранник, которому подчиняются остальные. Смотрите внимательно — на погонах у вас особенные значки с гербом Альганны. Это означает, что вы относитесь к служащим высшего звена, к командирам.

Гай был в шоке.

Значки на погонах? Защитник, он и не смотрел, что у него там, надел китель — и всё.

— Вряд ли из меня получится хороший командир, ваше величество, — признался он, посмотрев Виктории в глаза. Откуда пошли эти нелепые слухи, что императрица истерична, капризна и спесива сверх меры? Ничего же подобного! Единственный правдивый слух про неё — о том, что она очень красива. Жаль, что дети не унаследовали её прекрасные синие глаза.

— Я понимаю, поэтому объясняю, чтобы вы не удивлялись. Ральф — отличный безопасник, но порой забывает, что не все такими рождаются, — иронично улыбнулась Виктория. — Лифт я построю сама. Станьте ближе ко мне, Гай.

Он послушно приблизился и украдкой сделал осторожный вдох.

Императрица пахла мёдом. Легко, ненавязчиво и очень солнечно, из-за чего Гаю на мгновение показалось, будто он находится на заднем дворе собственного дома и проверяет, как дела у его пчёл. И на улице не начало морозной зимы, а тёплое лето. И Тейка сейчас сбежит с крыльца и завизжит так, что даже пчёлы перепугаются...

Между тем Виктория чётко, но не очень быстро строила лифт — у Гая точно получилось бы быстрее, поэтому он предложил:

— Давайте в следующий раз я?

— Хорошо, — пробормотала она, поморщившись, когда рука дрогнула и вывела не ту руну. Виктория быстро исправила ошибку и попросила: — Только больше не отвлекайте меня,

а то вместо Института артефакторики мы перенесёмся куда-нибудь в горы, а то и на дно морское.

Гай кивнул, императрица поставила константу перемещения, и когда стены лифта засветились, мужчина сказал:

— Называйте меня на «ты».

И замер. Его словно ледяной водой окатило, потому что её величество холодно ответила:

— Нет, этого не нужно.

Впервые за многие месяцы с момента ареста Гаю захотелось оправдаться, объяснить, что по своей воле он никогда не примкнул бы к заговорщикам, но печать молчания императора намертво склеивала рот.

Виктория ненавидела всех, кто участвовал в заговоре. Абсолютно всех. Арен — нет, он отличался большей терпимостью, особенно к тем, кого завербовали при помощи шантажа. Скорее всего, так было и с Гаем, но... это ничего для неё не меняло.

Вано Вагариуса, главу комитета безопасности и дедушку Софии, тоже пытались завербовать шантажом, но он выбрал долг, из-за чего погиб его единственный сын. Значит, выбор всё-таки есть — просто не все могут пожертвовать тем, что дорого, в угоду долгу и обязанностям. Арен это понимал, да и Виктория тоже, но их семье причинили столько зла, что она была не способна принять тот факт, что кто-то из заговорщиков тоже являлся жертвой.

И Гай был императрице неприятен. Не физически: из-за того, что он находился рядом, Виктория ничего не чувствовала. Эмоционально неприятен. Если она думала о том, что он, возможно, участвовал в делах Аарона, — сразу чувствовала себя страшно расстроенной. Даже подумала: может, спросить Арена, что именно сделал Гай? Но потом решила: нет, не дай Защитница, узнает то, из-за чего вообще не сможет терпеть нового охранника рядом, и тогда его казнят. Хватит казней! Если Арен считает, что Гай должен находиться за спиной у Виктории — так тому и быть.

Мужу она доверяла абсолютно.

Граагский научно-исследовательский институт артефакторики был организацией огромной и здание занимал колоссальных размеров — больше в столице был только Магический университет и дворец императора. Находился институт в Старой Грааге — этот район назывался так, потому что здешние здания были построены более ста лет назад. Жильё тут было гораздо дороже, чем в Новой Грааге — молодом районе столицы. Разделяла эти районы река Тудаага, на берегу которой стояли и дворец, и университет. А вот Институт артефакторики находился дальше от набережной, в глубине Старой Грааги, и вокруг него, как и вокруг дворца с университетом, раскинулся большой сквер со множеством дорожек, скамеек и интересных деревьев со всех концов страны. По иронии судьбы этот сквер Виктория много раз видела в окно, однако ни разу в жизни по нему не гуляла, хотя и выросла в столице. Сейчас не было времени, а тогда... а тогда — тем более. Она изо всех сил училась, сначала опасаясь, что не сможет поступить в Институт прикладных наук, затем — что её оттуда отчислят, из-за чего отец и брат быстренько подсуеются со свадьбой, ну а после брака с Ареном ей вовсе стало не до праздных прогулок.

В последние месяцы, переносясь в институт, Виктория, оказываясь в зале для пространственных лифтов, всегда сначала подходила к окну, смотрела на сквер. Там, прямо под окнами, в окружении деревьев находился фонтан. И так как сотрудники института были артефакторами, фонтан был необычным — он круглые сутки играл разную музыку и переливался всеми

цветами радуги. Такое радостное зрелище, благодаря которому Виктория несколько мгновений ощущала себя маленькой девочкой. Слабо, невнятно, но ощущала.

Увы, это наваждение быстро проходило. А сегодня прошло ещё быстрее, поскольку фонтан оказался выключен. В нём даже вода не плескалась, а просто стояла, как в бассейне. Струи не били вверх, образуя арки, переплетаясь и танцуя, и зрелище было, наоборот, безрадостное.

Виктория уже хотела отвернуться от окна и спросить у кого-нибудь из сотрудников института, что случилось с фонтаном, когда позади неё раздался знакомый голос:

— Не переживайте, ваше величество. Фонтан отключают раз в год, чтобы почистить.

Она резко обернулась и увидела в паре метров справа от себя Рона Янга.

— Доброе утро, Рон, — поздоровалась Виктория, кивая в ответ на лёгкий почтительный поклон. Янг всегда делал всё по этикету, но в любом его поклоне она чувствовала небрежность. Нет, не потому что он не уважал её — просто артефактор считал подобные расшаркивания бесполезной ерундой.

— Доброе, ваше величество. — Рон внимательно посмотрел на её охранников и добродушно усмехнулся: — Мне кажется, сопровождающие вас сотрудники службы безопасности научились размножаться почкованием.

Виктория с трудом удержала лицо — так ей хотелось расхохотаться в ответ на эту шутку.

— Вы наблюдательны, — ответила она вместо этого так серьёзно, как могла, но всё-таки улыбнулась — уж больно искрился смехом взгляд Рона. — У меня и правда новый охранник. Знакомьтесь — Гай. И он, по приказу императора, пойдёт сегодня с нами на совещание комиссии.

— Отдела, ваше величество, — поправил её Янг, на мгновение мазнув по Гаю острым взглядом серо-голубых глаз. — Мы с сегодняшнего дня официально — отдел по изучению родовой магии. Привыкайте.

— Да, кстати... — Виктория вздохнула, затолкав подальше желание немедленно перенестись обратно во дворец, поближе к родной оранжерее, где ей так нравилось работать. — Вы знакомы с... Защитница, как его... Забыла...

— Вистан Болдиус? — уточнил Рон, и сразу после этого императрице показалось, что Гай вздрогнул. Судя по всему, Янг тоже это заметил, поскольку, отвечая, он смотрел не на Викторию, а на него. — Болдиус умен и амбициозен. Хороший руководитель. Тем, что император назначил вас главой отдела, он недоволен, но вам недовольства, конечно, не выскажет.

— Вам он не нравится?

— Ваше величество, — Рон явно развеселился, — мне не нравятся все аристократы. Им приходится с этим мириться. Но вы позволите дать вам совет?

— Разумеется.

Янг неожиданно протянул ей руку. Виктория вложила свою ладонь в его и ни капли не удивилась, когда Рон сразу повёл её за собой, сквозь зал для переносов. Он порой позволял себе подобные вольности — и кажется, ему было безразлично, что по этому поводу думают окружающие.

— Не позволяйте Вистану считать, что вы не уверены в себе, — шепнул Рон на грани слышимости, практически Виктории на ухо. — Он не я. С ним вы должны быть стеной. Стервой. Понимаете?

— Понимаю, — ответила она так же тихо. — Это будет сложно. Я... совсем не стена. И уж тем более не стерва.

— Знаю. Но вы — императрица. Помните об этом. А если вдруг забудете... я напомню.

— Спасибо, Рон, — искренне поблагодарила Янга Виктория и следующие пять минут, пока они шли до зала заседаний комиссии — точнее, теперь уже отдела, — больше не загова-

ривала со своим спутником, сосредоточиваясь и настраивая себя на то, что в этом здании не имеет права на слабости.

Глава третья

А вот и первый человек, которого Гай знал. Хотя «знал» по отношению к Рону Янгу можно было сказать лишь с натяжкой: всё-таки с этим парнем Гай говорил лишь пару раз, когда Янг вместе со своим прежним руководителем приезжал в Корту в филиал института на большую конференцию артефакторов. Она проводилась ежегодно в разных городах, но это был первый — и последний — раз, когда Янг туда приезжал. Хотя приглашали его всегда.

Впрочем, даже если бы Гай не видел Рона лично, он бы всё равно его узнал. Об этом артефакторе регулярно писали в газетах и журналах, как об одном из самых сильных и талантливых специалистов современности. Лет пятнадцать назад Гай читал такое и о себе, поэтому точно знал: популярность преходяща, талант ещё надо доказать. И развивать, разумеется. У него самого всё получилось скорее наоборот.

Однако когда Гай видел Рона в последний раз, парень не вёл себя настолько нагло — Впрочем, и венценосных особ рядом не было. А сейчас... Что он себе позволяет, демоны его раздери? И поклон Виктории был каким-то рассеянным, без должного почтения, а уж то, как он бесцеремонно схватил её величество за руку, — и вовсе ни в какие ворота не лезет.

— Он всегда такой, — негромко сказал Кирстен, по-видимому заметив возмущение Гая. — Знает, что ему ничего за это не будет.

— Почему? — Гаю невольно пришла в голову вполне определённая мысль, но озвучивать её он опасался.

— Потому что император и императрица его ценят.

Ценят, значит...

Гай покосился на Викторию и Янга, которые шли впереди. Сейчас, по крайней мере, они уже не держались за руки, как поначалу, но тем не менее её величество цеплялась за локоть артефактора, как за своего мужчину — не чуть-чуть, едва касаясь, как это должно быть по этикету, когда сопровождающий всего лишь поддерживает императрицу, а полноценно.

— Ты глупости всякие не думай, — проворчал Кирстен ещё тише, хлопнув Гая по плечу — но в этот раз не сильно. — Её величество всегда на виду. А Янга вообще, по-моему, ничего кроме артефакторики не интересует. Он просто вот такой. Я сам однажды видел, как он не поднялся сразу после того, как император зашёл в комнату, поздоровался только и кивнул — и его величество не обратил на это внимания.

Однако... Значит, и император позволяет. И если Викторию ещё чисто теоретически можно заподозрить во внебрачной связи с Янгом, то уж императора — точно нет. Видимо, Рон настолько ценен для императорской семьи, что на его пренебрежение этикетом смотрят сквозь пальцы.

Впрочем, всё это не настолько важно, как имя, которое назвал Янг, расставив на места недостающие детали мозаики — и Гаю сразу стало абсолютно ясно, почему его взяли охранником Виктории.

Он знал Вистана Болдиуса много лет. Знал очень хорошо, потому что в Корте работал под его началом. Янг охарактеризовал его абсолютно верно — умный и амбициозный, он здорово поднял уровень их филиала, пока был директором. И ему хватило мозгов не связаться с заговорщиками, когда к нему пришли. Более того: он их и сдал, невзирая на то, что среди заговорщиков была его любовница.

Жена Гая.

Успокоиться пока не выходило, и чем ближе была дверь в зал совещаний, тем сильнее Виктория чувствовала, как спазмирует во внутренних органах. Её словно половую тряпку выкручивало, а ладони похолодели настолько, что казались принадлежащими ледяной скульптуре. Щёки, наоборот, были горячими, как огонь в камине, и невообразимо хотелось потереть их ладонями — но Виктория представила, насколько по-детски это будет выглядеть, и сдержалась.

Наконец Рон остановился, но заходить не спешил. Вместо этого он на мгновение вновь взял Викторию за руку — и императрица неожиданно почувствовала тёплую согревающую волну, прошедшую по телу. Удивительно, но благодаря этому даже как-то легче стало... Только щёки, кажется, остались красными.

— Готовы? — поинтересовался Янг, отпуская ладонь Виктории. Она кивнула, не глядя на него, и почему-то подумала, что новому охраннику наверняка кажется, будто у неё есть с Роном отношения. И вроде бы какая разница — пусть думает, что хочет, — но Виктории отчего-то стало не по себе.

Хотя эти мысли точно отвлекли её от реальных проблем.

Рон толкнул створки толстой деревянной двери, и Виктория сделала резкий вдох, набрав воздух в грудь перед тем, как зайти в зал совещаний. Просторное помещение с длинным столом — в поверхности из тёмного стекла отражалась окружающая обстановка, как в зеркале, — стулья с высокой спинкой по количеству участников комиссии (раньше их было двадцать, не считая Викторию и Рона), тяжёлые бордовые шторы на трёх высоких окнах, паркет из красного дерева под ногами. Местами он поскрипывал, как будто был недоволен тем, что по нему ходят. А за окном до сих пор шёл снег, и всё было белым-бело.

Рон отступил в сторону, пропуская Викторию вперёд, как полагалось по этикету, но то ли забыл, то ли не захотел поклониться, остался стоять возле двери прямо, ожидая, пока императрица пройдёт дальше. Кирстен и Шон должны были остаться в коридоре, а вот Гай шагнул следом за Викторией, пристраиваясь у неё за спиной молчаливой тенью.

— Ваше величество! — прошелестело-прогрохотало в зале, и сидящие за столом мужчины принялись вставать со своих мест. Раньше здесь было просторно, но теперь стульев явно прибавилось, и Виктория никак не могла сосчитать присутствующих. Минимум на пять человек больше... И все — аристократы.

— Доброе утро, — сказала она, оглядывая зал. Почти все лица были ей знакомы... Хотя нет — вот неизвестный маг, и ещё, и ещё... Примерно половина новых.

Кажется, Арэн убрал всех, кто положительно относился к работе Амириуса, прежнего руководителя комиссии. Но кого он поставил вместо?

Поняв, что слишком долго рассматривает новоприбывших, Виктория пошла дальше, испытав облегчение, когда Янг не отправился на своё привычное место в другом конце стола — раньше он предпочитал сидеть там, — а опустился на второй от неё стул. На первом, слева от Виктории, сел Гай, а вот справа стоял, не спеша садиться и изучая императрицу, какой-то незнакомый мужчина. Судя по энергетическому контуру — архимагистр.

Она поняла, кто это, ещё до того, как он представился.

— Вистан Болдиус к вашим услугам, ваше величество, — сказал он приятным бархатистым баритоном. — С сегодняшнего дня император поручил мне исполнять обязанности вашего заместителя.

— Рада приветствовать вас в Грааге, архимагистр, — откликнулась Виктория с холодком в голосе. — Прошу садиться.

Нестерпимо хотелось пить, но ей казалось, что, если она сейчас схватится за полный воды стакан, который стоял перед ней на столе, окружающие поймут, насколько императрице не по себе.

Пока Болдиус садился, Виктория смотрела на него и осознавала, почему Арен сказал, что этот артефактор похож на Янга. Тоже светловолосый, но, в отличие от Рона, у которого на голове вечно были взъерошенные кудри, Болдиус был модно подстрижен: волосы у висков короче остальных. Небольшие усы над верхней губой — модные, щегольские — и лёгкая щетина на подбородке тоже отличали Болдиуса от гладко выбритого Рона, да и по возрасту он был ближе к Арену — лет на десять старше самой Виктории. Однако в остальном — и правда похож. Серо-голубые глаза, упрямый и прямой взгляд, тот же рост, но вместо серо-коричневой формы сотрудника Института артефакторики — светло-бежевый кафтан из дорогой ткани с вышивкой по вороту и на лацканах.

И почему-то, несмотря на то, что внешне Вистан Болдиус на самом деле напоминал Рона Янга, Виктории подумалось, что в сущности он — его полная противоположность.

Откуда взялась эта мысль, она не могла понять, поэтому отмела её в сторону, как нелепую.

— Позвольте представить моих сотрудников, которых я привёз с собой из Корты, — продолжал говорить Болдиус, ни капли не смущаясь пристального взгляда Виктории. — Император позволил мне сделать это, учитывая тот факт, что комиссия после увольнения прежнего председателя изрядно поредела. Итак... — он указал на мужчину, который сидел напротив него, и тот вновь поднялся со стула, — Брайд Авалониус, мой старший научный сотрудник. В Корте он был моим заместителем. Арья Витайлиус, уникальный специалист по сочетаниям магии и механики...

Спустя пару минут Виктория выяснила, что Болдиус привёз с собой девять человек — семеро мужчин и двух женщин. Артефакторы и аристократы. Это было настолько уникально, что императрица не выдержала и произнесла, как только он замолчал:

— Удивительно. Учитывая, что после Дня Альганны были арестованы многие ваши коллеги... вы сюда перевезли всех титулованных из филиала в Корте?

В других обстоятельствах она бы так не сказала, но что-то подобное нужно было произвести, чтобы показаться стервой.

Однако Болдиус не впечатлился, лишь кратко улыбнулся:

— Не всех, но почти всех. Нетитулованные талантливые сотрудники в моём филиале тоже есть, однако речь шла о родовой магии, поэтому из них я никого не взял. Если вы беспокоитесь, ваше величество, то зря — нас проверял дознавательский комитет. До кишок перетряхнули.

Слегка поморщившись от сравнения, Виктория поинтересовалась:

— Вас хотя бы минимально вводили в курс дела?

— Я бы сказал — слишком минимально, — честно ответил Болдиус, глядя на неё с лёгким прищуром. Она могла бы поклясться, что знает, о чём он думает, ведь Виктория в этой комнате была единственным профаном в области артефакторики. — Мы прибыли пару часов назад, и ваши коллеги сообщили лишь, что все изыскания оказались безуспешными. Хотелось бы, конечно, знать, что подразумевается под словом «все».

Конечно, Виктория могла бы выступить — она была в курсе разработок комиссии. Но ей казалось, что в процессе выступления она обязательно запутается в терминологии, поэтому она строго произнесла, поглядев на Рона:

— Айл Янг, прошу вас.

Кивнув, Рон встал и пошёл за спину императрицы — туда, где на стене висела большая чёрная доска для надписей. Секунду глядел на пустую поверхность, взмахнул рукой — и из углубления, в котором лежал мел, в воздух взмыли несколько кусков и начали выводить на доске различные формулы под цифрами «один», «два» и «три».

А Рон принялся говорить.

Вистан нисколько не изменился: всё такой же самодовольный, как и раньше. Впрочем, у него были причины быть самодовольным: артефактор он и вправду сильный. Гай не сомневался: если Болдиус будет стараться, императора ждут результаты очень быстро.

Однако его величество не оставил свою жену один на один с таким количеством аристократии, а придумал легенду с охранником. Значит, император подозревает... что? Что Болдиус тоже заговорщик? Весьма нелепое предположение, учитывая, что сеть в Кorte накрыли благодаря его показаниям.

А может, не нелепое? В конце концов, что Гай, в сущности, знает о планировании преступлений? Вот именно, что ничего. Его всегда интересовали только пробирки и колёсики, до рождения Тейки он из своей лаборатории не вылезал. Жаль, что так и не смог осуществить мечту, никаких открытий толком не совершил. В отличие от того же Болдиуса.

И артефакторов он с собой отличных взял — Гай знал их, случайных людей здесь не было, только лучшие. Лучшие и невиновные, как ни странно. Не все титулованные маги подерживали принца Аарона — и хорошо, иначе сейчас Альганне пришлось бы жить вовсе без аристократии.

— Итак, родовая магия, — начал говорить Янг, и Гай даже вздрогнул: настолько он, стоя у доски, походил на более молодого и менее щеголеватого Вистана, что это казалось невероятным. Только в голосе Рона не было столько бархатистости, как у Болдиуса. — Что мы знаем о ней, дорогие коллеги? Первое — она существует лишь у аристократии. Второе — она передаётся всегда от отца к детям. Третье — внебрачным детям она не передаётся. Четвёртое — она чувствуется в крови, маг всегда может определить, кто перед ним — титулованный или нет. Пятое...

— Для чего вы говорите это нам, айл Янг? — не выдержал Болдиус. — Мы не первокурсники.

— Сейчас поймёте, — ни капли не смутился Рон. — Пятое — родовая магия не зависит от наличия или отсутствия энергетического контура, даже маги-пустышки её имеют. Какой вывод можно сделать из всего вышеперечисленного?

Вот тут обалдел даже Вистан.

— Вывод? — пробормотал он, глядя на Рона как на ненормального.

— Вывод, — повторил Янг, и его глаза насмешливо блеснули. — Собственно, из-за этого вывода комиссию по родовой магии прежний император и организовал. Потому что вывод: ни демона мы не знаем. Тыкаемся, как слепые котята.

Гаю захотелось рассмеяться, особенно когда он заметил выражение лица Болдиуса. Да и императрица явно с трудом сдерживала смех, чуть развернувшись к доске, возле которой вещал Янг, и глядя на него с искренней симпатией.

На Гая она так не смотрела ни разу. Впрочем, не только на него — в этой комнате, кроме Янга, явно больше не было людей, которые нравились её величеству.

— Согласен, — процедил Вистан, прищурившись, как разозлившийся кот. — Однако последние открытия...

— Последние открытия были совершены мной, архимагистр, поэтому позвольте — я продолжу, — перебил его Рон. — Итак, был неизвестен механизм возникновения родовой магии. Из-за чего у титулованных она есть, а у нетитулованных — нет? Божественное происхождение анализировать не будем, это ненаучно. Родовая магия связана с Геенной. Это было доказано. Примем это как факт. Мною была выдвинута теория, по которой родовая магия может проснуться даже в незаконнорождённом ребёнке, главное — провести ритуал принятия в род.

— На самом деле, удивительно, что никто не додумался до этого раньше, — всё-таки встрял Болдиус. — Логично: родовая магия зависит от того, принят ребёнок в аристократический род или нет. Во время заключения брака жених и невеста проходят обряд посвящения в пламени Защитника и Защитницы, значит, будущий новорождённый получает род. Я только не понимаю, почему это не работало в случае с нетитулованными, они ведь поступают так же.

— Вы не понимаете, потому что об этом не писали в газетах. Связь Геенны с императором и всеми аристократическими родами Альганны осуществляется через Венец власти. Соответствующие фамилии записаны на Венце, он по сути артефакт. И если фамилии на Венце нет, то и родовой магии нет.

Бывшие коллеги Гая изумлённо переглядывались, и даже Вистан выглядел озадаченным. Но он, как и Гай, наверняка отлично понимал, что Янг недоговаривает, причём очень сильно. Неосвящённых вопросов было множество: зачем понадобилось записывать фамилии на Венце, почему они начинаются лишь на первые три буквы алфавита и заканчиваются всегда на «ус», да и что вообще такое Геенна? Раз Янг открыл её связь с родовой магией, значит, по-видимому, знал, что она такое. Но не говорил.

— Артефакты всегда выполняют какую-либо функцию, — медленно произнёс Болдиус, глядя на Рона с выражением лица хирурга, который собирается резать пациента. — Какую функцию выполняет Венец?

— Обеспечивает связь императора с Геенной и всеми аристократами. Связь эта — гарант родовой магии. Исчезнет она — пропадёт и родовая магия. Но это ещё не всё, — во взгляде Рона появилось что-то ехидное, и он произнёс почти с удовольствием: — Для того, чтобы связь сохранялась, необходимо, чтобы в живых оставалось как можно больше аристократов из всех родов. У нас сейчас много «белых пятен» — исчезнувшие, вымершие роды и, соответственно, родовые магии. Все мы помним, например, что нынешний глава службы безопасности Ванно Вагариус — последний не только из своего рода: в целом в Альганне больше не осталось аристократов с кровными щитовыми чарами, как у него. Это губительно для страны. Если титулованные маги продолжают вымирать с той же скоростью, лет через сто-двести связь императора с Геенной и Венцом пропадёт, родовая магия исчезнет. Правда, вряд ли нас это будет сильно волновать, поскольку все мы знаем, что Геенна — наша защита от демонов, которые в ней прячутся. Исчезнет Геенна — демоны вырвутся на свободу, и миру конец.

Гай сглотнул, представив себе подобные перспективы. Получается, от успешности работы комиссии зависит существование Альганны? Да что там Альганны — всего человечества.

Вот тебе и поработал охранником императрицы...

Да, Виктория бы так не смогла: она понимала это чётко. И вообще диву давалась, что Рон Янг, сын сапожника, выросший в бедности и вынужденный платить огромные налоги за свой магический дар, был столь уверен в себе. Он не только не любил аристократов, но и не тушевался перед ними, обдавая холодком своего отношения. И даже сейчас его слегка насмешливый взгляд будто бы говорил: «Демона с два я стал бы вам помогать с родовой магией, если бы не печальные перспективы для Альганны». Рону явно было откровенно плевать на наличие или отсутствие родовой магии, которой у него не имелось, — но на свою страну он наплевать не мог, поэтому и присутствовал здесь.

В отличие от Янга, большинство находящихся тут аристократов — если не всех — больше волновали собственные перспективы лишиться кровной силы, чем что-то иное.

— Правильно ли я вас понял, — произнёс Болдиус, складывая на груди мускулистые руки, — чем больше аристократических родов существует в Альганне, тем крепче родовая

магия? И тем сильнее связь в этом, скажем так, треугольнике. Геенна — император и Венец — аристократия.

— Правильно, — кивнул Янг.

— Защитник, если об этом узнают нетитулованные... — не выдержал и покачал головой старший научный сотрудник Болдиуса, Брайд Авалониус. — Это же элементарный план для переворота — не обязательно убивать императора, можно уничтожить несколько аристократических родов и...

— И всё, — перебил его Рон, хмыкнув. — Альганне конец. Самоубийственный план. Впрочем, обратный план тоже самоубийственный, но его высочество Аарон об этом не подозревал. У нас нет выбора, господа и дамы, — Янг развёл руками. — Аристократия должна плодиться и размножаться с нетитулованными, если не хочет стать вымершей.

— Мы ещё не знаем, будет ли у детей от подобного брака родовая магия, — возразил Болдиус. — Это пока не доказано.

— Завтра узнаем.

— Завтра?

— Да. Но об этом позже. Теперь дальше. — Янг поднял руку: — Посмотрите внимательно на доску. Я зарисовал три формулы, которые были проверены комиссией ранее. Они работали над эликсиром или артефактом для определения рода у нетитулованных. Экспериментировали причём над теми нетитулованными, чей род был известен, чтобы исключить ошибку. Первая попытка — анализатор, похожий на тот, которым мы определяем вид родовой магии у кровных артефактов. Посмотрите внимательно на формулу. В качестве исходного артефакта был записан нетитулованный маг, а в анализатор мы заключили кровь его отца — и ничего. Как думаете, почему?

— Потому что кровные артефакты делаются на чистой родовой крови, — тут же ответил Болдиус, поморщившись. — Не стоило даже пробовать такую ерунду! Конечно, анализатор не отреагировал на разбавленную кровь, да и с чего вдруг он должен реагировать? Он же не чувствует родовую магию в носителе.

Янг согласно кивнул:

— Вы всё верно понимаете, архимагистр. Вторая попытка — эликсир. Члены комиссии пытались разработать жидкое вещество, первоначально на крови отца подопытного, которое можно было бы добавить в кровь нетитулованного и получить химическую реакцию из-за родства. Как вы понимаете, и здесь их ждало фиаско. Почему?

Болдиус, шурясь, внимательно смотрел на формулу под цифрой «два». Впрочем, не только он — остальные присутствующие тоже. Виктория не смотрела: она всё равно не разбиралась в артефакторике.

Вместо этого она зачем-то посмотрела на Гая... и удивлённо замерла, осознав, что он смотрит на доску не как человек, который ничего не понимает в написанном, а так, словно знает ответ на вопрос Янга. И очень хочет его произнести, но не может.

Значит, артефактор?

Виктория, не выдержав, воспользовалась тем, что на неё никто не обращал внимания, и нервно схватила за стакан с водой. Сделала несколько глотков прохладной жидкости, едва не закашлявшись от собственной торопливости, и отчётливо подумала...

Если Гай был одним из тех, кто изготавливал артефакты, при помощи которых едва не убили Агату, она сама его придушит!

Гай специализировался на изучении свойств крови. Нет, не родовой магии — её он практически не трогал, — а просто крови, неважно, аристократической или нет. Он мечтал раз-

работать лекарство от магического рака — уникальной болезни, при которой мага начинает убивать его собственный энергетический контур, воспаляясь и разрастаясь, как опухоль рака обычного, который давно научились эффективно лечить.

И тогда, десять лет назад, он смог вылечить одну пациентку, вызвав вспышку энтузиазма у артефакторов и врачей. Артефакторы завидовали и возмущались, что их коллега занимается проблемами врачей, а врачи — радовались и удивлялись, что первые открытия были сделаны не на базе Императорского госпиталя, где давно существовала кафедра магического рака.

Потом всё пошло наперекосяк, и сколько бы Гай ни пытался — безуспешно. Та вылеченная маленькая девочка осталась единственной, кому он смог помочь. А ведь он всего-то проверил на ней теорию связи между энергетическим контуром и кровью, которая ранее отрицалась. Переливание крови помогло малышке, она выздоровела, но повторить успех не получилось.

И тем не менее: в чём Гай уж точно разбирался, так это в вопросах крови. Поэтому видел, что формула магического эликсира, который должен был выявлять родовую магию, построена не на её наличии, а совсем наоборот. Собственно, это было объяснимо: в крови нетитулованных магов не было константы родовой магии, как её называли артефакторы, вот и в формулу записали то, что имелось, а не то, что подразумевалось. Как можно найти то, чего нет, если этого даже в условиях не наблюдается? Да никак.

Но сказать всего этого он не мог. Он же всего лишь охранник.

Потому и сидел, наблюдая за озадаченным Вистаном. Да, Болдиус был отличным артефактором-экспериментатором, но с кровью он дела практически не имел, вот и не видел того, что видел Гай.

— Сдаюсь, — сказал в конце концов Вистан, усмехнувшись улыбающемуся Янгу. — Ошибка точно должна быть, но какая я определить не могу.

— Я думаю, определили бы, если бы подумали ещё, — невозмутимо откликнулся Рон, кинув в сторону Гая мимолётный острый взгляд. — Посмотрите внимательно на две части формулы. Слева у нас подопытный — нетитулованный маг. Разве здесь есть указание на то, что у него должна быть родовая магия?

— Нет. Но это указание я вижу в числителе.

— В числителе — да, там у нас записан отец подопытного, аристократ, у него-то родовая магия есть. А в знаменателе — ноль. Разве можно делить на ноль?

— Нельзя, но...

— А теперь смотрите, — Рон на секунду перевёл взгляд на доску, вновь левитировал мелок — и тот заскользил по поверхности, исправляя формулу. — Вот так и так. Сюда добавляем константу, сюда — дополнительные условия, чтобы запустить химическую реакцию. Кровь должна была расслоиться — внизу эритроциты, сверху плазма. В том случае, если родство есть, разумеется, а мы знали, что оно есть. Однако вновь ничего не вышло.

— Почему? — недоумевал Вистан. — Ошибки ведь нет!

Гай тоже не мог понять почему. Теперь, на его взгляд, в формуле Янга всё было правильно.

— Потому что наш подопытный не имеет родовой магии, — развёл руками Рон. — Мы, конечно, написали в формулу всё, что могли, но на самом-то деле он — ноль. И делить на ноль по-прежнему нельзя. Знаете, это как поставить в витрину цветочного магазина ветку чертополоха и написать на этикетке: роза. Можно даже продавать его как розу, но он тем не менее останется чертополохом. Чтобы увидеть розу в чертополохе, слов на этикетке недостаточно.

— Ясно, — поморщился Болдиус, мрачняя. — Звучит как безнадёжное дело, честно говоря, Янг.

— Трудно найти белую мышь в снегу, особенно если её там нет, — пробормотала Арья Витайлиус, и некоторые артефакторы грустно захмыкали. Явно осознали уже, что лёгкой их работа в ближайшие месяцы точно не будет.

— Ну что ж, теперь наша третья попытка, — продолжал Рон. — Вновь эликсир, но подопытный должен был его пить. Идея Воллиса, — Янг закатил глаза, услышав пару смешков, — я предупреждал, что хорошим это не закончится. Предполагалось, что подопытный, выпив эликсир с кровью своего родственника, ничего чувствовать не должен, но наш бедняга едва концы не отдал. Сильнейшая интоксикация, потому что раствор, изготовленный по формуле, для питья не предназначен! Чудес не бывает, господа и дамы. В общем, после этого я отправился к императору и порекомендовал ему устранить Воллиса Амириуса от руководства комиссией. Благодаря чему вы, собственно, и здесь.

Янг сказал это обычным тоном, однако для многих — Гай был уверен — это прозвучало впечатляюще. Император прислушивается к нетитулованному магу! Да, талантливому артефактору, но это не отменяло того факта, что он — сын сапожника. Мог бы для приличий сначала к начальству своему сходить...

— Я закончил, ваше величество, — произнёс Рон, и Виктория, сидевшая к нему спиной, развернулась, чтобы кивнуть:

— Благодарю. Садитесь.

Хорошо, что она попросила Рона выступить. Сама Виктория не смогла бы так доступно всё объяснить. Доступно, понятно и, кажется, пессимистично — поскольку лица новых членов комиссии изрядно скисли. Все, кто был здесь с первого дня, посматривали на новичков с ехидцей, понимая: они явно думали, что сейчас придут и сделают гениальное открытие. А оказалось, что проблем тут не меньше, чем у охранителей с демонами Геенны.

Зато за это время Виктория собрала с мыслями, продумала, что скажет в дальнейшем, и более-менее успокоилась.

Сразу после того, как Янг опустил на своё место, Виктория заговорила, медленно обводя глазами стол, за которым сидели члены комиссии — точнее, теперь уже отдела:

— Как видите, задача непростая.

— Мягко говоря... — почти неслышно пробормотала одна из женщин-новичков, и Виктория решила снова поиграть в стерву.

— Прошу не перебивать, когда я говорю, — сказала она, строго посмотрев на коллегу Болдиуса, и та тут же стушевалась:

— Простите, ваше величество...

Снисходительно кивнув, Виктория продолжила:

— Задача непростая. И сделано уже было немало, но всё безуспешно. Хотя мы с его величеством считаем, что за прошедшее время можно было сделать и больше. Поэтому, если вы рассчитываете отдыхать, а не работать, нам лучше расстаться прямо сейчас. Подумайте до завтра — я полагаю, император не станет возражать, если кто-то нас покинет. Мне кажется, что десяти членов комиссии было бы вполне достаточно, сейчас здесь всё-таки слишком много народу. Единственное, что останется неизменным, — это я в качестве вашего руководителя и магистр Рон Янг в качестве консультанта. Дальше. Мы с вами встречаемся завтра в то же время, а на сегодня расходимся, чтобы вы могли собраться с мыслями. Завтра жду предложений. — Виктория вновь взглянула на Вистана: — От вас в первую очередь, архимагистр. Нужно определиться, куда мы идём дальше. Какую из трёх неудач будем дорабатывать. Точнее, из двух, поскольку третья попытка не выдерживает никакой критики даже с моей точки зрения, а я, как вы знаете, не специалист. Пожалуй, это всё. Вопросы?

— Да, несколько вопросов у меня есть, — сказал Болдиус и зачем-то посмотрел на Гая. Зачем Виктория поняла через мгновение, когда артефактор поинтересовался: — Вопрос первый, не слишком острый, но тем не менее... Кто это с вами?

— Я думала, ответ очевиден, архимагистр, — холодно улыбнулась Виктория. — Охранник, разумеется. К сожалению, наши с вами общие знакомые здорово постарались, и теперь без охраны я никуда.

— Ясно, — кивнул Болдиус, наконец перестав изучать Гая, который сидел ровно и с бесстрастным лицом. — Просто ваш охранник очень внимательно слушал то, что говорил Янг. И смотрел на формулы так, будто что-то в них понимает.

Значит, Болдиус тоже заметил необычное поведение Гая, не только она.

— Что вас удивляет, архимагистр? — Виктория слегка подняла брови. — Мой охранник не необразованная дубина. Да, он понимает. Но, как видите, молчит. Можете считать его моей тенью, если вам так будет проще. Другие вопросы, более важные, есть?

Кажется, у неё всё хорошо получается. По крайней мере, строить из себя стерву — точно получается.

Вон как веселится Рон.

Ещё примерно час Вистан задавал Виктории разные вопросы, и Гай внимательно слушал и её ответы, и вопросы бывшего начальника. С ответами всё было хорошо, императрица, будучи не артефактором, а биологом, отлично справлялась. А вот вопросы...

Гай, зная Болдиуса лучше многих, прекрасно видел: Вистан пусть ненавязчиво, но старался поставить её величество в неловкое положение. Видимо, он был недоволен тем, что процессом руководит императрица, сдерживал это недовольство изо всех сил, но оно всё-таки прорывалось сквозь маску любезности.

Вопросы были специфичными и требовали от Виктории не только знаний в области организации рабочих процессов, но и понимания особенностей такой науки, как артефакторика. Наверное, он думал, что императрица споткнётся, попросит помощи у Янга — и всем сразу будет понятно, кто здесь на самом деле главный. Однако за следующий час Виктория больше не обращалась к Рону, отвечала сама.

Разъяснила про график встреч — неделя через неделю. Неделя плотной работы, затем неделя на то, чтобы идеи «улеглись». Это было правильно: любое открытие не терпит спешки, мысли необходимо сформироваться. Когда Вистан уточнил, не желает ли император ускориться, раз открытия в области родовой магии так важны для Альганны, Виктория иронично заметила:

— Как биолог напомню вам, архимагистр, — ускорять что-либо дело не столь полезное, сколь рискованное. Все женщины мечтают быстрее отмучаться в родах, однако быстрые роды опасны не менее медленных. Будем работать по графику, который я озвучила, но если вам понадобятся дополнительные встречи — передайте моему секретарю, и она всё организует.

Дальше последовали вопросы про то, где брать материалы для артефактов или эликсиров, будет ли у их отдела собственный секретарь или вести протоколы придётся кому-то из коллег, где находятся помещения для экспериментов, откуда брать подопытных — и множество других мелочей, которые требовали от Виктории действительно глубокого понимания происходящего.

Но она справилась, оставив Вистана, кажется, слегка разочарованным — а Рона Янга, наоборот, довольным.

Гай тоже был доволен. Ему почему-то совсем не хотелось, чтобы императрица огорчалась — она казалась ему очень славной, несмотря на то, что разговаривала с ним с лёгким холодком в голосе, а уж с Болдиусом и вовсе была стервозной. И тем не менее Гай считал, что на самом деле Виктория ранима и чувствительна, а всё это — не более чем маска.

— Если у вас закончились вопросы, можно расходиться до завтра, — заключила её величество, когда Вистан замолчал и посмотрел на доску, где до сих пор красовались выведенные Роном формулы.

— Пожалуй, на сегодня и правда достаточно, — пробормотал Болдиус, поднимаясь. Вслед за ним встали и остальные — все, кроме Янга. Тот по-прежнему сидел на своём стуле, скрестив руки на груди, и поглядывал на окружающих его аристократов, как питон на мышей, которых собирается съесть. — До свидания, ваше величество.

— До завтра, — ответила Виктория и кивнула, когда артефакторы все как один склонились перед ней. Гая захотелось встать и самому, но он удержался: её величество сидит, значит, и он должен сидеть.

Постепенно члены комиссии выходили из зала для совещаний в коридор, и когда последний из них шагнул через порог, Янг сделал такое, из-за чего у Гая брови на лоб полезли.

Артефактор махнул ладонью — и дверь закрылась, оставив его наедине с императрицей. Ну, почти наедине — всё-таки Гай здесь пока тоже оставался.

— Очень хорошо, ваше величество, — сказал Янг Виктории сердечно — совсем не так, как разговаривал с Болдиусом. — Я боялся, что он затюкает вас своей дотошностью, но вы молодец.

Лицо императрицы из бесстрастно-холодного моментально превратилось в очень доброе, нежное и смущённое — даже щёки чуть покраснели. И она сразу стала такой прехорошенькой, что Гай залюбовался.

— Вы думаете, Рон? — робко спросила у Янга Виктория. — Я ничего не перепутала?

— Ничего, ваше величество, — артефактор широко улыбнулся. — Особенно мне понравилось, честно говоря, как вы упомянули медленные и быстрые роды. Скажу вам по секрету: если у мужчины нет детей, его такие темы смущают. А у Болдиуса детей нет.

Императрица рассмеялась, розовея сильнее, а Янг, поднявшись из-за стола, подошёл к ней и протянул руку:

— Позвольте проводить вас до зала для переносов?

— Конечно, — кивнула Виктория, принимая его ладонь с видимым удовольствием, и поинтересовалась: — Как ваши разработки в области стационарного пространственного лифта?

— Боюсь, забуксовали, — поморщился Янг, начиная двигаться к двери. Гай пристроился следом. Голос никто из говоривших не понижал, поэтому он слышал каждое слово. — Кабина уже отлично, без сбоев переносит животных. Крыс и кроликов, кошек, собак — да. Но на людях я пока не экспериментировал. Собственно, для того, чтобы получить степень магистра, мне хватило и животных — это всё равно серьёзный прорыв в науке, однако... сами понимаете.

— Понимаю. А кого-то крупнее собак удавалось переносить?

— Вы зрите в корень, ваше величество, — улыбнулся Виктории Рон, и когда Гай заметил её ответную улыбку, полную симпатии, ощутил неприятный укол в области сердца. — Собаки — мой последний успех. На прошлой неделе я пробовал перенести пони. К сожалению...

— Ох! Надеюсь, он выжил?

— У меня все выживают, ваше величество. Ну, кроме мышей — именно на них я отточил методику, по которой смертельные риски сводятся к минимуму. Разработка стабилизатора — львиная часть работы, по правде говоря. Чаще всего животные либо совсем не переносятся, либо получают лёгкие ранения...

Беседу подобным образом, Янг и императрица медленно добрались до зала для переносов, а затем артефактор, попрощавшись, удалился. И вновь не по этикету — вместо того, чтобы поклониться Виктории, он всего лишь кивнул ей.

Впрочем, императрица не обратила на это никакого внимания.

— Построите лифт, Гай? — спросила она его, сразу суровая — будто Рон своим уходом выключил в ней доброжелательность.

— Разумеется, ваше величество.

Несмотря на то, что до обеда был ещё почти час, Виктории очень хотелось есть, да и чувствовала она себя нехорошо — как человек, которого долго и упорно мучили. Так было всегда: работа в дворцовой оранжерее добавляла энергии, а остальные обязанности императрицу утомляли. Особенно утомляла комиссия по родовой магии. Но Виктория не жаловалась: некому, потому что остальные уставали не меньше. Ей ещё повезло: сегодня после обеда она будет свободна. Если, конечно, Арен не даст ей ещё какое-нибудь задание. Ну или если она ничего не забыла: своё расписание Виктория всегда помнила плоховато. Наверное, потому что ей и не надо было ничего помнить — выполнение этого расписания контролировала её секретарь, милая пожилая женщина по имени Эдит. Раньше подобным занимались секретари Арена, однако с недавних пор у Виктории появилось слишком много новых обязанностей, пришлось брать отдельного человека.

Но прежде чем идти на обед, следовало не только отдохнуть, но и поговорить с Гаем. Хотя малодушно хотелось промолчать, сделать вид, что охранника тут нет, — и возможно, прежняя Виктория так и сделала бы. Но с тех пор, как она начала заниматься с психотерапевтом, осознала очевидное: молчать — значит всего лишь откладывать решение проблемы на потом. Но когда-нибудь решать придётся.

— Идите за мной, — сказала она Гаю, когда почти дошла до собственных покоев. Безумно хотелось войти в спальню и ненадолго лечь — утром Виктория надела новые туфли, и теперь ноги чувствовались двумя чугунными столпами. Но всё-таки сначала — дело.

Охранник не удивился, даже не сказал ничего, просто кивнул. И после того, как перед Викторией распахнули двери её покоев, шагнул следом. Виктория дошла до окна, где в окружении комнатных растений стоял журнальный столик и кресла, и опустилась в одно из них. Поколебалась, думая, не оставить ли Гая стоящим — сидеть с ним так по-домашнему не хотелось, — но потом поняла, что в подобном положении ей будет неловко.

— Садитесь, — приказала она охраннику, и он вновь молча послушался. — А теперь скажите мне... чем артефакты, сделанные на основе родовой магии, отличаются от обычных?

Разумеется, Виктория не была артефактором, но кое-какие знания по артефакторике она получила — значит, сможет и отличить ответ специалиста от ответа профана. Если Гай не будет ей врать, но вряд ли он способен солгать — ментальным амулетом, который ему наверняка выдали при поступлении на работу, эта способность по отношению к Виктории должна быть ограничена.

Недоговаривать — может. Лгать — нет.

— Ваше величество, — на заросшем лице Гая появилась лёгкая, но какая-то печальная улыбка, — я ведь хороший маг, вы видите, какой у меня энергетический контур? Восемьдесят пять магоктав. Вы сами сказали Вистану, что я не необразованный болван. Конечно, я знаю ответ на этот вопрос. И на множество других вопросов.

Несколько секунд Виктория, щурясь, изучала лицо Гая, не понимая, что её задевает в его словах. Царапает изнутри, будто иголкой по стеклу.

И всё-таки сообразила.

— Вистан... — пробормотала она, внимательно следя за выражением глаз Гая. Обычных серых глаз, ничем не примечательных — интересно, они изменены иллюзорным амулетом или нет? — Вы так называли его... Если бы вы не были знакомы с ним, сказали бы просто «архимагистр» или «Болдиус». А это «Вистан»...

Гай молчал, что было логично: он не мог ни ответить правду, ни солгать.

— Значит, Арен нашёл мне артефактора, — заключила Виктория со вздохом. — Осуждённого за государственную измену. И знавшего Вистана Болдиуса. И что вы думаете о нём, Гай?

— Магистр Янг хорошо охарактеризовал Вистана, — ответил Гай будто бы извиняясь. — Мне нечего добавить.

— Почему он не участвовал в заговоре? Я ничего не знаю об этом.

— Не все аристократы участвовали в заговоре, ваше величество.

— Не все, но многие. А уж Болдиус... У него одна из сильнейших родовых магий в Альганне. Помните какая, Гай?

Он слегка наклонил голову:

— Вистан умеет замораживать. Всё, не только воду. Так он и заговорщиков схватил, слегка их приморозив, чтобы не разбежались, пока прибывают дознаватели.

— Да, точно, — Виктория едва по лбу себя не хлопнула. — Я читала об этом в газетах. Интересно... Казалось бы: доказал верность короне. Однако Арен же приставил вас ко мне. Не доверяет?

— Я не знаю, ваше величество. Об этом вам лучше спросить у императора.

— Да, я спрошу, — кивнула Виктория и махнула рукой в сторону двери. — А теперь идите, Гай. До обеда я хочу отдохнуть. Вам незачем ждать в коридоре, можете пока заняться своими делами. Сходить в столовую, например.

Он понатливно поклонился, встав с кресла, и покинул комнату Виктории.

Глава четвёртая

Почему Вистан Болдиус не участвовал в заговоре?

Гай думал об этом, спускаясь в столовую. Его никто не сопровождал, Кирстен и Шон лишь объяснили, как туда добраться, и теперь он испытывал собственное умение ориентироваться в пространстве, шагая по коридорам и лестницам. Ему повезло: пройти надо было совсем немного, а дальше уже к столовой можно было доехать на лифте.

Вистан был амбициозным. Собственно, поэтому он и предпочёл работать в Корте, где быстро стал директором филиала Института артефакторики — возможностей для открытий множество, но конкуренции меньше. В Грааге он был бы рядовым сотрудником отдела экспериментальной артефакторики — как Рон Янг, например. В Корте же Болдиуса почитали почти как бога.

Гай жил не в столице по двум простым причинам: во-первых, он вырос в Корте, а во-вторых, у него не было денег на переезд. Учился он не в Грааге, в отличие от Вистана — тот был столичным жителем и среди студентов Магического университета тоже блистал. Однако блистал не он один, а Болдиус хотел быть кем-то уникальным, единственным в своём роде. Вот и переехал в Корту.

Да, когда Гай думал обо всём этом, ему казалось, что для такого человека, как Вистан, было бы естественным присоединиться к заговору. Впрочем... желал бы он стать в длинный ряд остальных участников? Вряд ли. Он точно захотел бы для себя необыкновенной роли, но ему её не предложили.

Может, в этом всё дело? И Болдиус с удовольствием поучаствовал бы в заговоре, если бы не почувствовал себя изначально всего лишь одним из? Это вполне устраивало жену Гая — хотя больше статуса её всегда интересовали деньги, — но не Вистана.

Наверное, нечто подобное понимает и император, раз выдернул из тюрьмы личного охранника-артефактора для Виктории. Непонятно лишь, что на самом деле должен сделать Гай? Только охранять — или?..

Хорошо бы поговорить об этом с императором. Не с Ральфом Рильо — ещё неизвестно, насколько он в курсе дел, связанных с родовой магией, — а именно с императором.

Но как это осуществить?

Обеда Виктория дожидаться не стала. Отдохнув минут пятнадцать, она выглянула в коридор и выяснила, что Гай отправился в столовую. Передвижения без него по дворцу ей запрещены не были, поэтому Виктория воспользовалась случаем и пошла к детям. Сначала — к Александру, который проводил время с Софией, а затем — к Агате и Ариэлле. У девочек как раз проходил предобеденный урок, и дождавшись, когда они освободятся, Виктория вместе с ними переместилась в столовую.

Арен сегодня не пришёл, этим изрядно огорчив Агату и Алекса, зато пришли принцесса Анна, старшая сестра императора, и её маленькая дочь Адель, которой недавно исполнилось два года.

— Алекс, — пошутила София, когда Анна и Адель сели, — ты у нас тут единственный мужчина. Сегодня за старшего!

Агата и Ариэлла прыснули, а Александр важно надулся и величественно кивнул:

— Холосо. Сегодня я буду командовать.

— Коман-до-вать, — поправила его София, и Алекс послушно повторил — как мог:

— Коман-ды-выть.

В результате Виктория успела расслабиться, с удовольствием проводя время с детьми, которые своим оживлённым видом приободряли даже Анну. Сестра императора ещё не отошла после гибели мужа и чаще всего пребывала в очень грустном настроении, которое разбавлялось только в присутствии детей. Виктория ей очень сочувствовала, но старалась лишней раз ничего не говорить — отношения с Анной у неё до конца так и не восстановились. Сестра императора слишком хорошо помнила то время, когда Виктория вела себя ужасно, ведомая проклятием, которое на неё наслал Аарон. Любая её негативная эмоция разгоралась до невозможности, до почти полной потери способности мыслить адекватно — и в течение восьми лет Виктория изрядно портила кровь себе и окружающим. Да, сейчас она вела себя иначе, и Арен никогда не упрекал её прошлым — да ему это и в голову бы не пришло. Однако Анна пока не могла её простить. Возможно, если бы её муж Вольф не погиб этой весной, она воспринимала бы всё легче, но...

Впрочем, Виктория не слишком огорчалась из-за напряжённого отношения к ней сестры мужа — время, когда её волновал этот факт, прошло. Во многом благодаря Силвану Несту, психотерапевту, который начал лечить её после покушения на Агату. Виктория тогда едва разума не лишилась, увидев, как магмобиль, в котором ехала дочь, охватило пламя порталной ловушки. Если бы не София...

— Вик, у тебя сейчас свободное время? — с улыбкой спросила аньян, как только Анна и Адель вышли из столовой. София называла Викторию на «ты» только при Арене и детях, в остальных случаях — «ваше величество», и никак иначе. Анна исключением не была, несмотря на то, что сестра императора была в курсе отношений Софии и Арена.

— Кажется, да, — нахмурилась Виктория, но порадоваться толком не успела — на браслет связи пришло напоминание от секретаря. Выяснилось, что ничего подобного — и через час после обеда она обязана быть на большом и важном приёме в честь дня рождения градоначальника Риамы — города, в котором родился и учился Гектор Дайд. Отменить и не приехать значило породить слухи, что градоначальник в опале, всё-таки на приглашение был дан официальный и положительный ответ. Значит, придётся отправляться.

София, посмотрев на Викторию с сочувствием, предложила детям помочь императрице с приготовлениями, пока у них не началась вторая часть уроков, на этот раз совместная — аньян учила всех троих, в том числе Александра, игре на фортепиано. Наследники и Ариэлла согласились, и Виктория провела ещё некоторое время, смеясь и выбирая платье вместе с детьми. София и нарисовала её сама, решив не звать служанок, а потом аньян и наследники с Ариэллой проводили Викторию вместе с привычными охранниками к залу для переносов.

— Мы будем тебя очень ждать! — сказали хором Агата и Александр, а Ариэлла просто вежливо произнесла:

— Удачи, ваше величество.

— Мы зайдём к тебе вечером, — почти неслышно проговорила София, прежде чем увести детей из зала для переносов, и ободряюще улыбнулась Виктории.

Императрица отлично понимала Арена, для которого София являлась поддержкой и опорой — потому что с некоторых пор девушка стала и её поддержкой тоже. Хотя мало кто смог бы понять подобное.

Ну и ладно. Это дело Арена, Софии и Виктории — и больше ничьё.

Когда императрица вышла из своих покоев в сопровождении торжественных детей и аньян, Гай чуть не открыл рот от восхищения. Ну какая же красивая женщина! Такое чистое и одухотворённое лицо, золотые волосы, небесные глаза, правильные черты лица, нежные губы, а уж фигура... Виктория напоминала ему тонкий бокал для шампанского на изящной ножке,

грациозный и притягательный. Так и хочется взять в руки... точнее, на руки... В общем, прекрати-ка мечтать, Гай!

Платье на императрице было серебристое, как узоры инея на стекле, и — в сочетании с золотыми волосами, уложенными в сложную причёску и украшенными настоящими белыми лилиями, цветами-символом императорской семьи, — оно делало Викторию похожей на ожившую картину из книги сказок. Гай, в последний год перед арестом прочитавший дочери множество различных историй, точно в этом разбирался и мог утверждать со стопроцентной уверенностью: императрица способна составить конкуренцию любой фее, принцессе или даже сказочной королеве. Она была настолько прекрасна, что у Гая порой было ощущение, будто он смотрит на звезду, которая слепит ему глаза.

Между тем Виктория, и не подозревавшая, насколько ей сейчас любуются, шагала по коридору к залу для переносов в компании детей и их аньян. Императрица держала за руки Агату и Александра, а София вела Ариэллу — и несмотря на то, что вид у Виктории был очень парадный, шумели и галдели дети так, будто вовсе не провожали маму на официальное мероприятие, а собирались на пляж с зонтиками от солнца. На них с улыбками косились встречаемые в коридоре слуги и охранники — со всеми наследники и малышка Ариэлла здоровались, вежливо кивая, — и у Гая возникло какое-то странное чувство...

С одной стороны, он ощущал себя здесь чужим — эдаким незнакомцем среди знакомых людей. На него порой даже смотрели с удивлением: мол, а это кто? — но ничего не спрашивали. Но с другой стороны... Гаю подумалось, что он бы очень хотел стать частью всего этого. Чтобы больше не чувствовать себя незнакомцем.

И чтобы императрица ему улыбалась, как она улыбнулась главе службы безопасности, который как раз выходил из зала для переносов, когда их процессия туда подходила. Гай узнал Вану Вагариуса по портретам, виденным в газетах, — впрочем, ни один портрет не мог передать удивительной рыжины этого мужчины. Он был таким же ярко-рыжим, как аньян детей императора, — только что на лице не было веснушек. Может, родственник?

— Здравствуйте, айл Вагариус! — хором поздоровались с ним дети. Мужчина кивнул, поклонился Виктории, а затем сказал, обращаясь к Софии:

— Хочу провести с вами часок, не против?

— Конечно, мы не против! — громко возвестила Агата, а аньян очень сердечно ответила:

— С радостью, Вану! — и Гай окончательно убедился: точно родственница. Впрочем, какой из этого стоило сделать вывод, он не представлял.

Дом градоначальника в Риаме был большим, но скромным — по крайней мере, если судить по дому того же Вистана в Корте, где Гай не раз бывал. Болдиус хоть и не градоначальник, но губа у него всегда была не дура, он любил окружать себя шикарными вещами и не менее шикарными женщинами. Гаю какое-то время назад даже было интересно, зачем ему понадобилась Амира, — но теперь уже всё равно. Понадобилась и понадобилась, демоны с ними обоими. Болдиус наверняка и не вспоминает о ней, хотя самолично сдал в руки дознавателям, а Амиру ждёт либо тюремное заключение, либо смертная казнь.

Сам Гай вырос совершенно в других условиях. После развода его мать еле сводила концы с концами, тем более что отличным магом она не была, а старшая сестра Гая и вовсе родилась «пустышкой» — с родовой магией, но без энергетического контура. Конечно, их родовая магия и без контура дорогого стоит, но Валлей не хотелось, чтобы её использовали. Она даже замуж из-за этого так и не вышла, искренне считая, что по-настоящему не нужна никому: аристократ будет её презирать за отсутствие дара, не-аристократ — ровно за то же самое, плюс за её фамилию. Впрочем, до этого года Валлей и не могла выйти замуж за нетитулованного, но новый закон Арена всё изменил. Хотя, как сестра к этому закону относилась, Гай понятия не имел — в это время он уже сидел в изоляторе.

Да, маме было сложно. Отец, убегая в Альтаку, забрал почти все деньги, и ей пришлось продать дом, чтобы купить маленькую квартиру. Гай до подросткового возраста жил в одной комнате с сестрой, и для экономии места спали они на двухъярусной кровати: он — сверху, Валлей — снизу.

Ситуация стала лучше, только когда Гай выучился и пошёл работать, но тем не менее, что такое роскошь, он понятия не имел. Самым роскошным в его жизни были зимние ботинки, которые он купил Тейке перед собственным арестом. Интересно, они ей уже малы или пока налезают?

Викторию в доме градоначальника встретили как подобает — с почётом и поклонами. Здесь ей полагалось ходить в сопровождении охраны, так она и делала — только Гай находился к Виктории ближе всех, а Шон и Кирстен чуть дальше. На них никто не обращал внимания, даже поесть им не дали — всё то время, что Виктория сидела за праздничным столом вместе с хозяевами дома и гостями, её охранники стояли у неё за спиной. Не совсем рядом, а у стены — и у Гая к концу трапезы ныл не только желудок — от обилия вкусных запахов, — но и ноги.

Потом все прошли в соседний зал, оказавшийся бальным, и на императрицу тут же посыпались приглашения потанцевать. Виктория сразу начала кружиться по паркету, а Гай, Кирстен и Шон вновь встали у стены.

— Это всегда так скучно? — спросил он у ребят, и те хором хмыкнули.

— Радуйся, — проворчал Шон. — Кирст у нас недавно, его уже после Дня Альганны приняли, а я много всего пережил. И в тот день, когда возле Императорского музея сработала порталная ловушка, я был в свите её величества. До сих пор, как вспомню... Безумно жаль парней, которые ехали с её высочеством Агатой. Так что радуйся, Гай. Пусть лучше так, чем...

— Понимаю, — кивнул он и на всякий случай сказал: — Я не имею к порталной ловушке никакого отношения.

Хотел добавить: «Я в то время уже был в изоляторе», но горло перехватило. Этой информацией нельзя было делиться: только чем-то нейтральным.

— И так понятно, — хмыкнул Шон, а Кирстен кисло улыбнулся. — Если бы ты имел к порталной ловушке отношение, тебя бы казнили. Всех, кто был замешан, император не пощадил. Ты какая-то мелкая сошка, судя по всему.

Да, и правда — мелкая. Но государственная измена есть государственная измена — Гай отлично понимал, к чему могут привести его действия. Понимал, но...

У него было слишком много слабых мест.

Градоначальник Риамы хорошо исполнял свои обязанности — по крайней мере, Арэн считал именно так, а Виктория доверяла его мнению, — но у него был один недостаток: любил он устраивать подобные празднества. Нечасто, но раз в год — стабильно. Обычно на праздник перемены года, но в этот раз и на свой юбилей решил отличиться.

Приём действительно был шикарным, однако через пару часов Виктория почувствовала, что пора бы и честь знать — градоначальника она уважала, а теперь ей хотелось вернуться во дворец, к детям. У Агаты вечером должны были проходить занятия с Тайрой, женой Гектора Дайда, — на них никого не допускали, кроме императора, и Виктория понятия не имела, чем дочь занимается с этой женщиной. Знала только, что шаманством, — но больше ничего, а сама Агата почти не делилась впечатлениями.

Да, несколько месяцев назад выяснилось, что дочь Арена и Виктории — талантливый шаман, хоть и маленький, и Арэн попросил Тайру заниматься с Агатой. Теперь жена главного дознавателя встречалась с наследницей два раза в неделю. Они что-то обсуждали, закрываясь в салоне. Поначалу Виктория от этого была не в восторге и даже опасалась — всё-таки про-

клятье, которое превратило её из обычной женщины в истеричку, было именно шаманским, — но постепенно смирилась. Даже нашла плюсы в том, что никто больше не сможет причинить Агате зло при помощи шаманства — ведь она недавно чуть не умерла из-за смертельного шаманского проклятья. Так что пусть учится.

Однако уйти с празднества оказалось не так просто — во-первых, потому что к Виктории постоянно подходили разные просители с важными разговорами, и ей не хотелось отмахиваться от людей, которых можно было понять — всё-таки не каждый день выпадает возможность побеседовать с императрицей. А во-вторых — танцы!

Виктория любила танцевать, однако настолько редко это делала, что, когда выходила в центр зала после долгого перерыва, боялась что-нибудь перепутать. Особенно ей нравилось танцевать с Ареном — император двигался просто прекрасно, он был очень пластичным и обладал отличным чувством ритма. Жаль, что сам Арен к танцам был равнодушен, воспринимая их лишь как досадную необходимость. Никогда не танцевал на приёмах дольше положенного, для собственного удовольствия. И Агата с Александром, по-видимому, унаследовали от её мужа такое отношение — уроки танцев вызывали у них кислые лица и тоску в глазах. Вот рисовать вместе с Софией они любили, и заниматься верховой ездой, и много чего ещё — но не танцы.

Поэтому Виктория и не смогла быстро отказаться от занятия, которое любила, — и каждый раз, получая приглашение на танец, соглашалась, вместо того, чтобы отказаться, попрощаться с хозяевами вечера и отправиться обратно во дворец. Ещё один танец, потом ещё один, и ещё, и ещё...

Опомнилась она, когда у неё начали ныть ноги с непривычки. Тут уж делать было нечего, и Виктория, посмотрев на часы, пошла прощаться, стараясь не обращать внимания на пристроившуюся за спиной охрану, особенно на Гая, который своей чёрной одеждой отчего-то невероятно её раздражал.

Впрочем, возможно, вовсе и не в одежде дело...

Вернувшись во дворец, Виктория сначала пошла в свою комнату, чтобы снять платье, которое считала всё же слишком парадным для вечера с семьёй, и почти сразу, как она осталась в спальне в одиночестве — охранники, в том числе и Гай, дальше коридора не пошли, — краем глаза заметила, как огонь в камине гостиной ярко вспыхнул и заискрился.

Так всегда бывало, когда внутрь камина осуществлялся перенос, и Виктория, не успевшая спустить платье с плеч, поспешила вернуться в гостиную, где из камина уже выходила София, держа за руки Агату и Александра.

— Элли я оставила с Анной и Аделью, — сказала девушка, улыбнувшись Виктории — но в её глазах было беспокойство. — Его величество ещё не вернулся с совещаний. Как ты, Вик?

— Танцевала, да, мам? — хитро прищурилась Агата, и императрица засмеялась. Села на корточки и обняла поочерёдно и дочь, и сына, а потом честно ответила:

— Да, танцевала. Но я немножко, видишь, даже к ужину успела. Софи, поможешь мне снять платье? Эти новомодные молнии, конечно, удобнее крючков, но...

— Конечно, помогу. — София зашла ей за спину и негромко сказала, положив ладонь в область лопаток, где начиналась застёжка. — Эн родила. Мальчик. Девяносто пять магоктав, но что с родовой магией, будет понятно лишь через сутки.

— Замечательно! — выдохнула Виктория, довольно улыбнувшись. — Арен знает?

— Наверное. Мне написала сама Эн. Возможно, ему тоже. Хотя ему, наверное, отчитывается и главный врач.

София потянула язычок молнии вниз, и Виктория, расслабив уставшие за день плечи, подытожила:

— Если всё так, как думает Рон Янг, через сутки мир изменится. У заговорщиков больше не останется аргументов.

— Ох, Вик, — в голосе Софии звенело сожаление, — боюсь, они найдут другие аргументы. Такие уж люди...

Сегодня ужин в комнату Гаю никто не принёс, нужно было спускаться в столовую самому, что он и сделал, пока императрица ужинала вместе с детьми, аньян, сестрой императора и его двоюродным братом с женой. Наличие жены у принца Арчибальда Гая изрядно удивило: он точно помнил, что в начале года принц ещё был холост. Вот что значит: не иметь возможности читать газеты! Но куда больше наличия жены удивлял выбор его высочества: девушка оказалась «пустышкой». Гай не знал, что и думать. Он до сих пор помнил рассуждения Валлей о том, что она никому не нужна без энергетического контура, и был во многом с ней согласен. И тут вдруг такое! Двоюродный брат императора женат на аристократке-пустышке. Наверняка в прессе был дикий скандал.

После ужина Гай некоторое время провёл в коридоре перед детской, ожидая, когда Виктория наконец уйдёт к себе, что и случилось около полуночи. Гай тут же отправился в свою комнату, однако не успел даже ботинки скинуть: почти сразу раздался стук в дверь. Не представляя, кто мог прийти к нему настолько поздно — ну не Виктории же он понадобился в полночь? — Гай открыл и непроизвольно замер, услышав от уставшего и хмурого Кирстена:

— Тебя вызывает император. Идём.

«Ну вот, — подумал Гай, чувствуя одновременно страх и воодушевление, — ты же хотел поговорить с его величеством? Получи».

Кирстен вёл его по коридору, всё дальше и дальше. Несмотря на то, что стрелка часов подбиралась к двенадцати, здесь повсюду были люди — охрана и слуги. Стояли у дверей, что-то несли или мыли, тихо переговаривались друг с другом. Гаю показалось, что сейчас на парадном этаже даже оживлённее, чем днём, хотя это объяснимо: убраться удобнее, пока все важные особы отдыхают.

Впрочем, судя по тому, что его позвал император, конкретно Арен отдыхать пока не собирался.

И вот наконец — двери в покои его величества. Тоже резные, из красного дерева, и рисунок на них напоминал Гаю золотого орла, летящего сквозь пламя. Нечто подобное было и на гербе Альганны, так что всё правильно, здесь и должен жить император.

— Иди, он ждёт, — сказал Кирстен, останавливаясь рядом с одним из стражников, что стояли навтыжку возле покоев его величества. — Ты только постарайся не бояться, и всё будет нормально.

Не бояться?..

Гай не знал, боится он или нет. Поначалу да, он чувствовал страх, но, пока Гай шёл по коридору, тот выветрился, уступив место небольшой опаске — просто так ведь к императорам не вызывают, верно? — и большому любопытству.

Гаю и правда было интересно, зачем Арен его позвал.

Створки распахнулись, он шагнул вперёд... и ощутил безмерное удивление, оказавшись в гостиной покоев императора. Защитник, да даже кабинет Болдиуса в их институте в Корте выглядел более шикарным!

Хотя здесь было просторно. Три больших окна, тёмно-синий ковёр на полу — удивительно, что не бело-золотой, в традиционных цветах семьи Альго, — книжные шкафы, длинный гардероб справа от входа, рядом зеркало в витиеватой серебряной раме. Несколько кресел

и стол стояли возле окна, и когда Гай вошёл в гостиную, с одного из кресел поднялся император.

Он был без мундира, только в рубашке и брюках — причём рубашка оказалась расстёгнута на пару верхних пуговиц, — и выглядел бы менее официальным, если бы не взгляд, от которого по коже Гая невольно побежали мурашки. Холодный, оценивающий.

— Добрый вечер, ваше величество, — поклонился Гай и изрядно удивился, услышав от Арена краткое:

— Садитесь.

Император махнул рукой в направлении одного из кресел, и Гай, приблизившись, опустился на сиденье. Его величество сел напротив и тут же приказал:

— Рассказывайте.

Гаю очень хотелось поинтересоваться, что именно он должен рассказывать, но почему-то язык не повернулся. Вообще говорить, когда на тебя вот так смотрят, оказалось сложно.

— Я понял, почему вы освободили меня из тюрьмы, ваше величество. Вы не доверяете Вистану Болдиусу, — начал Гай осторожно, не ведая, правильные ли выбрал слова. — Оставить с ним вашу жену один на один вы не могли, поэтому... Я только не понимаю, что он может сделать. Он ведь не примкнул к заговорщикам, а сам их сдал. И чего вы ждёте от меня? Я должен следить за ним и докладывать вам?

Гай замолчал, выпрямившись в кресле и глядя на невозмутимого императора. Он очень старался не отворачиваться, смотреть Арена прямо в глаза — но это было демонски непросто, настолько тяжёлым взглядом обладал император. Тяжёлым и холодным.

В противовес собственной родовой силе — обжигающей, как лава из жерла вулкана.

Возможно, именно поэтому императора и боятся, что чувствуют это противоречие? Ледяной взгляд и жар его магии.

— За Болдиусом приглядывают сотрудники службы безопасности и дознавательского комитета, — наконец заговорил император ровно и равнодушно. — Впрочем, вы тоже смотрите, может, что-то и увидите, вы знаете его лучше них. Но всё-таки вы нужны мне не для этого.

«А для чего?» — чуть не вырвалось у Гая — в последний момент прикусил язык.

— Вы ведь хотите получить свободу, Аргай? — поинтересовался император небрежно, и внутри у Гая будто огонь взметнулся. — Хотите к своей семье? К дочери и сестре? Жену я не верну, хотя мне кажется, она вам не слишком-то и нужна. Но доброе имя вернуть могу. Хотите?

— Конечно хочу, ваше величество, — ответил Гай хрипло. — Но что для этого нужно...

Император его перебил:

— Рон считает, что вы сможете разработать методику распознавания родовой силы у нетитулованных. Не Болдиус, а вы, Аргай.

— Янг? Но поче...

— Потому что вы — главный специалист в Альганне по изучению свойств крови. Да, вы изучали не родовую магию, а кое-что другое, но Рон отчего-то уверен, что вы справитесь. Почему конкретно — уточните у него, я лишь доверяю ему. Найдёте решение — вернётесь к семье. Под настоящим именем. И обвинения будут сняты. Это ясно?

— Более чем, — пробормотал Гай, не веря своим ушам. Разумеется, задача очень сложная, но она хотя бы есть. А значит, есть и надежда.

Но порадоваться он не успел — император неожиданно спросил:

— Вам нравится моя жена?

Гай замер. Ему показалось, что даже сердце у него перестало биться.

Разумеется, он помнил, что император — эмпат и прекрасно ощущает чужие эмоции. Но... разве восхититься красивой женщиной — это преступление?

Да к чему вообще был этот вопрос?!

— Простите, ваше величество, я...

— Я не ревнив, к вашему сведению, — вновь перебил его император, и Гаю захотелось прочистить уши. — Моей жене не хватает внимания. Дайте ей его, и как только я увижу, что она довольна, — вы сможете увидеться с дочерью и сестрой.

«Что, простите?» — чуть не заорал Гай. Если бы не бесконечное удивление, склеившее ему горло, точно бы не удержался.

— Мне кажется, я вас неправильно понимаю, ваше величество... — произнёс он в конце концов осторожно, но император лишь мимолётно усмехнулся.

— Вы всё понимаете правильно. Идите, Аргай. Я всё сказал.

Когда новый охранник Виктории вышел, Арен взглянул на девушку, сидевшую в кресле напротив, рядом с креслом, где ранее сидел Аргай, и понимающе улыбнулся, наткнувшись на её полный возмущения взгляд.

— Зачем, Арен? — пропыхтела София, красная от негодования. — Ну в самом деле!..

Он поднялся и сел перед ней на колени, взяв в ладони сжатые кулачки.

— Не гневайся, счастье моё. Ты же знаешь, я желаю Виктории только лучшего.

— У тебя своеобразные представления о лучшем!

— Давай подумаем вместе. — Арен наклонился и коснулся губами кулаков Софии, из-за чего они непроизвольно разжались — и несмотря на то, что девушка сердилась, её ладони погладили его по щекам. — Мне охарактеризовали Аргая как исключительно порядочного мужчину. Он пошёл на предательство из-за жены, которая ему изменяла, но сам при этом изменять ей не стал. И сопернику никак не отомстил, кстати. Думаешь, такой человек станет ухаживать за замужней женщиной? Тем более за императрицей. А ведь Виктория ему понравилась — я почувствовал.

— Арен! — София закатила глаза, но он понял, что её гнев начал затухать.

— Про саму Викторию и говорить нечего — она не решится на внебрачную связь, несмотря на то, что мы с ней давно не супруги в полном смысле этого слова. Будет считать это оскорблением для меня, неправильным поступком и так далее. Но с ней я поговорю позже — если Аргай решится на что-либо. Ещё не факт, что решится.

— Ты поставил его в такое положение...

— Я всего лишь слегка его мотивировал, Софи, — мягко произнёс Арен и вновь поцеловал ладони девушки. — На самом деле, я позволю ему увидеться с близкими, но чуть позже, сейчас ещё не время. Не настолько я жесток.

— Ох, Арен... — София покачала головой и, наклонившись, обняла императора. — Я Виктории ничего не скажу. Мне не нравится эта затея, я считаю, что с твоей стороны было бы лучше не вмешиваться. Однако... я помню историю Арчибальда и Айрин*. (*Речь идёт о событиях книги «Неистинная».) Твоя дурацкая идея в итоге оказалась для них благом. Может, и здесь будет так же.

— В любом случае мы вмешаемся, если что, — подытожил Арен, поднимаясь с колен, и утянул Софию за собой. — А теперь пойдём спать.

Глава пятая

К себе в комнату Гай возвращался на негнувшихся ногах и в таком шоке, что сам не заметил, как прошёл весь коридор. Он ещё умудрился не увидеть, в какой момент его покинул Кирстен, — настолько был дезориентирован. И если первая часть разговора с императором показалась Гаю обнадеживающей и вполне логичной, то вторая...

«Вы всё понимаете правильно».

Вот на этой мысли Гай начинал буксовать. Потому что не может же его убеждение, что император приказал ему поухаживать за императрицей, быть правдивым?

Кто так делает? Да и зачем это нужно, Защитник?! Виктория — прекрасная женщина, у них с Ареном двое детей, говорить подобное постороннему человеку — это почти оскорбительно. Хотя не «почти», а в принципе оскорбительно! Она ведь не вещь, чтобы её можно было просто передать из рук в руки.

А вдруг это какая-то проверка? Но какая? Что можно проверять подобным приказом? Будет ли слушаться Гай любых повелений императора, даже настолько абсурдных?

Вот кстати, интересный вопрос. Что теперь делать? Увидеть Валлей и Тейку хотелось просто безумно. Скоро год, как Гай их не то что не видел — ему, как заговорщику, было запрещено даже переписку с родственниками вести. А Тейка между тем растёт, меняется... В сентябре ей исполнилось четыре года, а Гай её даже не поздравил! Да живы ли вообще его родные? На что живут? Не на зарплату же сестры, которая работала помощницей библиотекаря в центральной библиотеке Корты. На неё не проживёшь!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.